

МАРИЯ
ДОНЧЕНКО

ОТРЕЧЕНИЕ

Мария Донченко

Отречение

«Алисторус»

2020

УДК 82-84
ББК 84.3

Донченко М. А.

Отречение / М. А. Донченко — «Алисторус», 2020

ISBN 978-5-907120-99-0

В июне 1989-го на железнодорожном перегоне в Башкирии произошёл взрыв газопровода, погибло более 600 человек. Это событие ударило по судьбам причастных и не причастных к нему людей... На первый взгляд, поэтому первая часть романа называется «Катастрофа», но герои ещё не знают, что впереди у них катастрофа куда более страшная – крах страны и падение в бездну 1990-ых годов. Так начинается Хроника безнадёжного времени. У книги нет единого главного героя. Главной в книге является проклятая Эпоха, которая ломает судьбы и испытывает героев романа – тюрьмой, войной, нищетой, потерей близких. Не всем удаётся пройти через эти испытания и не изменить себе... Повествование охватывает период с 1989-го по 2015-й – юность и зрелые годы поколения, отрекшегося от своего великого прошлого, и рядом с ними – взросление детей 80-х – 90-х гг. Политический детектив разворачивается на фоне социальной драмы в течение четверти века, и кульминацией его становится война на Донбассе в 2014 году.

УДК 82-84

ББК 84.3

ISBN 978-5-907120-99-0

© Донченко М. А., 2020

© Алисторус, 2020

Содержание

Книга первая	6
Глава первая	6
Глава вторая	12
Глава третья	18
Глава четвёртая	24
Глава пятая	30
Глава шестая	37
Глава седьмая	43
Глава восьмая	49
Глава девятая	55
Глава десятая	61
Глава одиннадцатая	67
Глава двенадцатая	74
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Мария Донченко

Отречение

© Донченко М.А., 2020

© ООО «Агентство Алгоритм», 2020

Книга первая Катастрофа

*В степи, покрытой пылью брэнной,
Сидел и плакал человек.
А мимо шел Творец Вселенной.
Остановившись, он изрек:*

*«Я друг униженных и бедных,
Я всех убогих берегу,
Я знаю много слов заветных.
Я емь твой Бог. Я все могу.*

*Меня печалит вид твой грустный,
Какой бедою ты тесним?!»
И человек сказал: «Я – русский»,
И Бог заплакал вместе с ним.*

Николай Зиновьев

Глава первая

Год 1991. Сентябрь

Тучи заволокли всё небо. Они мрачно колыхались над крышами и проводами, и такие же мрачные, озабоченные люди, поднимая на них глаза, поднимали воротники плащей и курток тусклых тонов, перекидывали из руки в руку тёмные зонты и спешили, стуча по асфальту каблуками, успеть скрыться в подземельях метро до того, как с небес на них хлынут свинцовые потоки дождя. Впрочем, мужчины и женщины, торопившиеся в тот день по городским улицам, и без того не особенно улыбались, а скорее отворачивались от встречных, пряча в воротники измученные лица.

Однако тучи продолжали висеть над неулыбающимся городом, так и не разродившись каплями влаги, и серая Москва-река продолжала плескаться, одетая в кандалы мостов, и капли воды не ударили в её поверхность, расходясь кругами...

Центр города был не просто мрачен – он был сумрачно и торжественно мрачен, словно камни чувствовали, что прощаются с великой и неповторимой эпохой. Гранитные набережные, величественные высотки сталинской эпохи, изящные вестибюли станций метро застыли в немом ужасе поражения, словно брошенные под вражеский сапог, не в силах защитить себя... Но нет, город не нёс следов ни бомбёжек, ни разрушений, город был даже чисто вымыт поливальными машинами с оранжевыми баками и голубыми кабинами. И только они, камни, не в силах двинуться с места, будучи встроенными в конструкции набережных, колонн и арок, несли в себе не понятую ещё современниками страшную печать великого Поражения...

И только над Красной площадью, полной говорливых иностранцев, страшным и непонятным диссонансом к происходящему, по-прежнему реял красный флаг с серпом и молотом в углу полотнища.

По набережной Москва-реки неторопливо полз троллейбус, водитель объявлял остановки, люди-тени выходили из салона и входили в салон, занимали места, утыкаясь в газеты или шелестя страницами журналов.

Ветер трепал обрывки афиш кинотеатров, гулял в стёклах разбитых телефонных будок.

Троллейбус повернул на улицу Димитрова и пополз к метро «Октябрьская».

На одной из остановок в салон вошла девушка семнадцати лет. Прокомпостиrowав талон, она улыбнулась пассажирам, но никто не только не ответил ей – никто не поднял на неё глаз.

Скривив губы, она присела на сиденье и стала смотреть в окно, на проплывающие за окном каменные здания, колонны и мосты.

Анна возвращалась из института, было ещё не поздно и даже светло, сумерки ещё только готовились поглотить сдавшийся без боя город, и жёлтые кленовые листья бесшумно ложились на тротуары последней осени Советского Союза.

В этот же момент по одной из аллей Лосиноостровского парка, расположенного на дикой северо-восточной окраине столицы, ехал по шуршащим листьям милицейский патруль.

Они заходили на последний круг по парку, в семь вечера капитану Белякову предстояло сдавать смену и идти домой, к жене, которая снова будет пилить и корить за безденежье... – Беляков подёрнул шеей, хрустнув усталыми суставами, и только потянулся в карман за папирсом «Беломора», намереваясь закурить, как вдруг услышал оклик сержанта:

– Товарищ капитан, там ребёнок плачет!..

Жестом приказав водителю остановить машину – ну что за... в последний час дежурства! – Беляков грузно выбрался из машины. В глубине темнеющего леса, действительно, надрывался детский плач.

По обочинам дороги под деревьями лежал толстый слой неубранных листьев, по которым пришлось ступать милиционерам.

– Твою ж... мать! – услышал вдруг Беляков голос сержанта.

– Что там такое? – обернулся он.

– Товарищ капитан, тут... Тут труп, товарищ капитан. Женщина...

Беляков сплюнул и выматерился, постепенно осознавая, что вечер, да и ночь, безнадежно погублены, что провести ближайшие полсуток придётся в компании не жены, а оперов и следственной группы...

– Ничего не трогай, б...

В десяти метрах правее, действительно, лежала мёртвая женщина, едва присыпанная листьями. Она была убита, видимо, ножом, видимо, совсем недавно, кровь ещё была довольно свежей, да и запах Беляков почувствовал бы раньше, будь рядом мертвяк хотя бы суточной давности.

На секунду прохладный воздух замер, и только через мгновение плач ребёнка вновь напомнил Белякову о себе.

– Сержант, твою мать! Ребёнок!

Эхо гулко отдавалось в безлюдном парке, в подрагивавшем свете фар автомобиля.

Младенец лежал на земле, метрах не более чем в пятидесяти от трупа, и заходился криком, но видимых повреждений на нём не было.

Беляков сообщил по рации о находке начальству и присел на землю, с тоской ожидая прибытия оперативно-следственной группы, пока сержант качал явно проголодавшегося мальчика и пытался напевать ему какую-то мелодию, на которую тот, впрочем, не реагировал.

В голове Белякова уже рождались первые строчки рапорта.

«24 сентября 1991 года, около 18 часов 30 минут, дежурный экипаж...»

* * *

Год 1943. Август

«Подводя итог вышесказанному, я резюмирую – развитие технологий, о которых сказано выше, меняет подход к диверсионной деятельности в войне нового типа. Главной целью, к примеру, диверсии на железной дороге, на иных транспортных объектах или объектах энерго-снабжения становится, таким образом, не собственно уничтожение живой силы, военных или промышленных объектов противника, а освещение данного события в нужном ключе с целью воздействия на массовое сознание. Быть может, моё предположение покажется слишком смелым, но я уверен, что через десять-пятнадцать лет значение пропаганды возрастет в десятки раз по сравнению с нынешним. Также подчеркну, что для реализации идей информационной войны недостаточно имеющегося уровня развития сетей радиовещания, но особое внимание следует обратить на уже существующие как в Рейхе, так и за границей технологии передачи телевизионного сигнала...»

Оберштурмбаннфюрер Келлер аккуратно положил ручку рядом с чернильницей, поднялся из-за стола, подошёл к окну. Непроглядная темень за окном не могла его обмануть – прошлой ночью, работая над докладом, он впервые за много месяцев услышал приглушённую канонаду с востока.

Сегодня было тихо, но это ничего не значило. Келлер знал, что завтра или послезавтра он снова услышит эхо приближающегося фронта, и уже громче, чем вчера.

Фронт приближался к Славянску.

Но интуиция упрямо подсказывала Келлеру, что враг, невидимый и беспощадный, притаился где-то совсем рядом, ближе, чем он мог представить...

Какой вздор, передёрнул плечами оберштурмбаннфюрер. Нервишки... Он задёрнул шторы, повернул ключ в двери кабинета, вышел в коридор. Осторожно, чтобы не разбудить, заглянул в комнату, где спал его тринадцатилетний сын, Арни.

Мальчик лежал на боку, натянув на себя одеяло.

«Поколение, которое будет править миром», – с гордостью подумал было Келлер, – но страшная мысль шевельнулась в его мозгу.

«А ведь эту войну мы проиграем».

Испугавшись своих, даже не высказанных, крамольных мыслей, он прикрыл дверь спальни и быстрым шагом направился в кабинет, где его ждали тетрадь и чернильница, где в тиши вымершего города он мог писать свою работу о будущем – работу, которую ему не поручало начальство, но которую он считал своим долгом, вероятно, более важным делом, чем исполнение любых полученных приказов.

Потому что в этот момент Келлер вдруг до ужаса ясно осознал, что это не последняя война с русскими.

Фронт приближался к Славянску.

* * *

Год 1989. Апрель

Последний снег чернел грязными бесформенными пятнами у обочин тротуаров. Апрельский вечер таял над громадой уральского города, над трубами заводов, над махинами вагонов, над жилыми и производственными корпусами. В домах зажигался свет, дымили заводские трубы, и словно где-то в глубине, скрытое от посторонних глаз очертаниями труб и корпусов,

созданное руками человеческими из металла и цемента, равномерно и правильно пульсировало живое, могучее, как сказочный великан, плещущее миллионами киловатт-час, сердце города.

Было около девяти вечера, а если точно – красные электронные часы над проходной типового четырёхэтажного здания показывали двадцать часов пятьдесят шесть минут. Большинство сотрудников проектного бюро давно разошлись по домам, затихли звуки в кабинетах и коридорах, и только вахтёр на проходной, встав со стула, щёлкал переключателем маленького чёрно-белого телевизора – через несколько минут должна была начаться программа «Время».

Несмотря на вечерний час, на третьем этаже здания светилось единственное окно. На своём рабочем месте, за заваленным чертежами столом находился инженер, кандидат технических наук Фёдор Петрович Ермишин.

Это было неудивительно. В коллективе Ермишин слыл трудоголиком и частенько задерживался на работе по вечерам, чем пользовалось начальство, поручая ему срочные и внезапно возникающие дела, и Фёдор Петрович никогда не отказывался. Семьи у него фактически не было, хотя в паспорте до сих пор стоял штамп о регистрации брака, и работа была его единственной страстью и утешением – после того, как от него ушла Наталья.

...Она была моложе его лет на пять. В то лето, когда они познакомились, она была студенткой-практиканткой, а он готовился к защите диссертации, посвящённой трубопроводам высокого давления. Тогда очкарик и «ботаник» Ермишин, никогда не интересовавшийся девушками, не ходивший на танцы, проводивший вечера в технической библиотеке, похоже, влюбился по-настоящему – однажды и на всю жизнь.

Те годы, что они прожили вместе, остались самыми счастливыми в памяти Фёдора Ермишина. Особенно после того, как в семьдесят четвёртом жена подарила ему дочь Аню.

Но семейная жизнь не заладилась. Взбалмошной и ветреной Наталье хотелось большего, чем «прозябать в этой дыре», как она пренебрежительно отзывалась о городе, куда он уехал по распределению, окончив Московский институт нефтехимической и газовой промышленности имени Губкина, и где свела их судьба.

Она тянула его в Москву, где жила старшая сестра, а он медлил с переводом, ему не хотелось бросать свои разработки. Наталья капризничала, требовала развлечений, заявляла, что не заботится ни о ней, ни о дочери, что плохо выполняет свои обязанности по содержанию семьи – после рождения дочери она так и не вышла на работу.

Он прощал ей всё. Он был готов простить ей даже роман с тем выскочкой, командированным из Грозненского нефтяного института, даже то, что, как он догадывался, а коллеги говорили об этом почти в открытую, это была не первая её измена мужу.

Так или иначе, супруги Ермишины расстались.

Они решили до поры до времени не оформлять развод официально – так оказалось лучше для обоих. Фёдор исправно слал жене деньги на содержание ребёнка, однако дочка, интересами которой Наталья всегда прикрывалась, тяготила её, мешая её любовным похождениям.

Когда Аня закончила первый класс, её забрала к себе старшая сестра отца.

Родители Ермишина умерли рано. В пятом классе мальчик остался сиротой, и его воспитывала не имевшая собственных детей сестра, которая была старше его на двадцать лет.

...Тётка оказалась подтянутой женщиной совершенно неопределённого возраста – на взгляд нельзя было определить, сорок ей или семьдесят, одевалась она с подчёркнутым пренебрежением к моде, и маленькая Аня долго не могла понять для себя, звать её тётей Матрёной или бабой Матрёной.

Матрёна Петровна Ермишина жила одна в двухкомнатной квартире в спальном районе Москвы, работала научным сотрудником в отделе Западной Европы Библиотеки иностранной литературы – за школьные годы Аня побывала у неё на работе один раз и запомнила только запах книжной пыли очень высокие, намного выше человеческого роста, стеллажи с выцвет-

шими фолиантами девятнадцатого века, а то и старше, к которым нужно было подниматься на стремянке.

Она никогда не была замужем и никогда не рассказывала о своей прошлой жизни. Так или иначе, но взрослеющей Ане казалось, что прошлое старухи, как она называла тётку в разговорах с подружками, окутано некоей странной, непостижимой тайной, ещё более странной от того, что, казалось бы, что такого таинственного могло скрываться за дверями её семиметровой комнатухи с диваном, креслом-качалкой и книжным шкафом?..

Воспитывая племянницу, Матрёна Петровна наотрез отказалась пускать в дом её мать-«кукушку», и никакие уговоры Фёдора не могли поколебать её сурового решения – с тех пор Наталья виделась с дочерью урывками, ни разу не переступив порог тёткиной квартиры.

...Лучезарно улыбающаяся Наталья с двухлетней Аней на руках смотрела на Фёдора с чёрно-белой фотографии в овальной рамке, стоявшей на подставке на его рабочем столе.

Оставшись один, он позволял воспоминаниям отвлечь его на краткое время, и потом вновь возвращался к работе.

Телефонный звонок оторвал Ермишина от дел. Пару секунд он с удивлением смотрел на дребезжащий на столе зелёный аппарат с пластмассовым диском – кому он мог понадобиться в такое время?

– Слушаю.

– Федя? – спросил голос в трубке. – Я угадал, ты на работе?

– Антон? – ответил Ермишин. – Тебе ж по должности положено угадывать...

– Я не по работе звоню, – непринуждённо отозвался собеседник, – просто как старому другу. Мы могли бы встретиться? Когда тебе удобно?

– Да хоть сейчас, – пожал плечами Ермишин. – Я уже, в общем-то, не занят.

– Хорошо, Федя, – скрипнула трубка. – Я тебя буду ждать в сквере у Вечного Огня.

Подходи, как только сможешь.

Сигнал в трубке возвестил об окончании разговора. Антон звонил с автомата.

Ермишин набросил плащ и вышел из кабинета, оставив на столе творческий беспорядок. Вахтёр, которому он оставлял ключи, едва заметно кивнул и вновь прильнул к телевизору – шли вечерние новости, и на экране светился любимец публики, только что избранный народным депутатом СССР Борис Ельцин.

Друг уже ждал его на скамейке в сквере, под тёмными пушистыми елями. В потёртой спортивной куртке с разъехавшейся «молнией», с пачкой сигарет «Астра» в руке, он напоминал своим видом скорее такого же технаря-неудачника, как Ермишин, чем офицера КГБ СССР.

– Курить будешь? – поздоровавшись, спросил Антон.

– Не откажусь, – ответил Фёдор.

Оба затянулись одновременно, и крепкий запах табака смешался со смолистым ароматом еловых лап. Отблески языков пламени плясали на гранитных плитах памятника. Повисла многозначительная пауза.

– Что-то случилось? – спросил Ермишин.

Друг едва заметно кивнул – почти даже не головой, а только веками глаз.

– Я хотел тебе сказать насчёт твоей докладной записки. По дополнительным системам безопасности магистральных трубопроводов при транспортировке на дальние расстояния, помнишь?

– Конечно. Ты же говорил, что не по работе, я бы захватил бумаги...

– Не нужно, – слегка качнув головой, перебил Антон, – я действительно не по работе. Только лично. Приказано забыть и не давать хода этой теме.

– Но почему? – удивился Ермишин. – Я готов доказать актуальность... – он осёкся. – Что же всё-таки случилось?

Несколько секунд Антон тяжело молчал. Лёгкий, еле заметный ветерок едва шевелил верхушки елей вокруг памятника жителям города, не вернувшимся с минувшей войны.

– Официальный ответ будет через пару недель. Я тебе говорю заранее, чтобы ты был готов. Будет официальный ответ, и он будет отрицательным. Не в этом суть, – он вдруг резко, безо всякого перехода, сменил тему разговора, – ты честно скажи, Федя, как ты относишься к тому, что в стране творится? К тому, что в Грузии происходит, что в Москве девяносто процентов за Ельцина, да к перестройке вообще...

– Честно, Антон, не хочу я лезть в эти политические дела, – ответил Ермишин, – ты же знаешь, я производственник, вот что касается моего дела – за него у меня душа болит, а в Москве, пожалуй, без нас разберутся...

– Но ты же коммунист?

– Член партии, – подтвердил Фёдор, – и работаю на выполнение плана двенадцатой пятилетки. А вот в интриги влезать не хочу. Знаешь, меня даже раздражает, как все сходят с ума по этому Ельцину – делом заниматься надо, а не митинговать.

– Не прав ты, Федя, ох как не прав, – вздохнул Антон, – ладно, никому не говорю, а тебе, как давнему другу, скажу. Зреет большая измена, Федя.

Ермишин удивлённо вскинул брови.

– Что-то я ничего не понимаю, Антон. Начал вроде по работе и не по работе, а тут на какого-то Ельцина перекинулся...

– Это всё – звенья одной цепи, – отчётливо, хотя и тихо, произнёс Антон, – и Ельцин, и перестройка, и гласность, и то, что твою докладную записку положат под сукно. Это очень страшно, Федя, но я сам пока до конца не понял, что происходит и как с этим бороться. Скажу одно – зреет большая измена. И не где-то, а на самом вершине. Она поразила все сферы жизни, везде протянула свои щупальца... И когда я узнал, что твоему вопросу решили не давать хода, я ещё раз убедился, что всё происходящее – часть единого плана...

– И что же делать? – спросил Фёдор.

– Пока не знаю, – ответил друг, – буду думать. Одно могу сказать – пока молчи. Никому и ни о чём не говори.

– Это конечно, – ответил Ермишин, – а с работой-то как? Если ответ отрицательный, я же в Москву поеду...

– В Москву, конечно, можешь, – согласился Антон. – Только бесполезно это. А так езжай, конечно. Но лучше съезди на юг. Съезди в Сочи, отдохни. Ты же сколько в отпуск не ходил?

– Да третий год, наверное, – прикинул Фёдор.

– Ну вот и съезди, отдохни. А заодно подумай. Там, может, будет о чём ещё поговорить.

Ветер по-прежнему почти бесшумно шевелил верхушки деревьев и гнал по небу невесомые перистые облака, молочно-белые на фоне густого розового заката. Прилежно дымили заводские трубы. Брошенный окурочок дотлевал под скамейкой, на краю вымощенной пешеходной дорожки. Наступали сумерки.

Глава вторая

Заливистый звонок возвестил об окончании последнего урока в первый тёплый день весны, когда детвора явилась в школу без курток, и младшие школьники наперегонки бросились к выходу из здания в школьный двор.

Старшие спустились по лестнице более неторопливо, снисходительно глядя на малышей. Две восьмиклассницы в синих форменных костюмах, соседки по лестничной площадке и по классному журналу, Анна Ермишина и Юлия Зайцева, сложив тетради в сумки, спустились по гулкой лестнице типового трёхэтажного школьного здания.

Девушки были примерно одного роста, но Аня казалась выше за счёт туфель на высоком каблуке, в которые она манерно переобулась, скинув школьную сменную обувь в пакет. Её подруга носила простую обувь из «Детского мира». Юлька вообще была странной девчонкой – в свои пятнадцать лет она не интересовалась ни модой, ни косметикой, ни дискотеками, в общем, ничем из того, чем пятнадцатилетней девушке принято интересоваться.

Луч апрельского солнца играл в редких лужицах на краю тротуара, и масляные пятна бензина переливались цветами радужного спектра. По краям дороги жались последние чёрные островки тающего снега.

– Поедем в центр? – полувопросительно предложила Аня, ожидая возражений со стороны Юльки, которые и последовали.

– А что там делать? – хмыкнула она.

– Ты что, не слышала? – удивилась Аня. – Сегодня открывается «Макдональдс»! Первый в Москве! На Пушкинской! Все только об этом и говорят. Десятые классы туда уже рванули в полном составе...

Юлька пожала плечами, её почему-то не вдохновила восторженность собеседницы.

– Подумаешь... Там стоять в очереди полдня, а придёшь через неделю – так и свободно будет, и сходишь в свой «Макдональдс». Оно тебе надо?

– Так все же... – начала было возражать Аня.

– Подумаешь, все! Своя голова есть! – заявила Юлька, но вдруг смягчилась, – впрочем, если хочешь, могу составить тебе компанию. Мне только вечером Артёмку из сада забирать, а так, погуляем, давай, что ли...

– Конечно! – Аня резко закивала, пока Юля не передумала, – сейчас на пять минут забегу домой переодеться, и едем в центр! Договорились?

Зайцева кивнула, слегка подёрнув плечом – она-то знала по опыту, что пять минут у Ани затянутся минут на тридцать-сорок, да и вообще не видела смысла переодеваться по несколько раз за день.

– Жду тебя у подъезда, – она сделала вид, что поверила, будто ждать всего пять минут, и ей не имеет смысла заходить к себе – они жили в соседних квартирах.

Аня выбежала принаряженная, через двадцать восемь минут, дежурно извинившись и подхватив Юльку под руку.

Ещё через некоторое время две пятикопеечные монеты звякнули в щели турникетов, и девушки оказались в глубине метро.

...На Пушкинской площади было не протолкнуться, но пожилому человеку с тростью какие-то воспитанные молодые люди уступили место, и он присел на край скамейки и откинулся на её спинку, задумался, слегка перебирая жилистыми пальцами ручку трости и чертя её концом воображаемые мелкие штрихи на прямоугольной плитке, которой был вымощен сквер.

До прихода людей, которых ждал Келлер, оставалось ещё почти пятнадцать минут, и он не сомневался, что они явятся вовремя – Арнольд Келлер был пунктуален, как истинный немец, и не терпел опозданий от других.

Очередь, пёстрая и шумная, змеёй вилась по площади. Келлер смотрел сквозь неё, словно мог за этой людской толпой увидеть нечто большее, ещё скрытое от стороннего наблюдателя за туманом будущего. Она, очередь к первому московскому «Макдональдсу», и действительно отличалась от привычных очередей восьмидесят девятого года – здесь не было ни усталых хозяек с тряпичными сумками-авоськами, ни стариков в потёртых шляпах с продуктовыми сетками. До Келлера долетали обрывки разговоров молодёжи о том, кому где удалось прибахлиться, о шмотках и видеомагнитофонах... Поймав на себе презрительный взгляд молодого парня, раздувавшего огромный пузырь из жевательной резинки, Арнольд усмехнулся – но только мысленно, не выдав себя ни единым движением мышц лица – скрывать эмоции было частью его профессии. Он сидел на скамейке, одетый в поношенный костюм советского покроя, образ дополняла свёрнутая в трубочку газета «Известия», и этот молодняк на площади, возмнивший себя хозяевами новой жизни, принимал его, наверное, за деда-«совка». Келлеру не было необходимости демонстрировать им своё превосходство, как нет в этом необходимости для натуралиста, наблюдающего за обезьянами в заповеднике, хотя обезьяны, несомненно, уверены, что они и умнее, и красивее странного безволосого существа с ручкой и блокнотом, к тому же не умеющего лазить по деревьям...

Да, здесь было удобное место встречи.

Он ещё раз пошевелил тростью, которой пришлось пользоваться не ради имиджа, но по состоянию здоровья – с возрастом колено стало ныть к перемене погоды и болезненно напоминать мистеру Келлеру о том, о чём и рад был бы забыть, да не получалось, и всякий раз, когда давало о себе знать давно сросшееся колено, его тренированная память цеплялась за минувшее, извлекая на свет божий образы, которым не было места в новой жизни, полностью принадлежавшей новой Родине. И девчонка, кости которой давно сгнили в болоте, снова целилась в Арни из пистолета...

Своих он увидел издалека, как и они его – едва поднявшись из подземного перехода. Ровно через полтора часа после прибытия поезда Челябинск-Москва, как раз столько времени было нужно, с учётом возможных задержек и массового скопления людей возле «Макдональдса», чтобы проверить, нет ли «хвоста», и, убедившись в этом, добраться от Казанского вокзала до Пушкинской площади. Двое мужчин характерной прибалтийской внешности (что, впрочем, можно было бы сказать и о самом Келлере, глядя на него со стороны, а в детстве его черты лица с одобрением называли истинно арийскими), крепкого телосложения, в похожих, но не одинаковых синих спортивных костюмах советского производства, застёгнутых на «молнии», и советских же кедах пробирались сквозь толпу, словно им не было никакого дела до происходившего на площади исторического события – открытия первого в Советском Союзе «Макдональдса», и они ни малейшего трепета не испытывали перед фигурой встречавшего посетителей красноносого клоуна Рональда. В отличие от Келлера, эти двое не считали нужным скрывать своего презрения к тем, кто выстроился перед этим клоуном в километровый хвост.

Впрочем, они тоже быстро заметили Олега Ивановича – именно так представлялся Келлер членам «Саюдиса» – и двинулись к нему.

Они поприветствовали друг друга рукопожатием и перекинулись парой дежурных фраз – собеседники Келлера говорили по-русски со специфическим акцентом.

– Юозас, Вы свободны, – сказал вскоре Келлер младшему из двоих, и тот послушно и бесшумно направился в сторону метро, – Янис, а с Вами нам нужно ещё поговорить, пойдёмте, пожалуй, вниз по бульвару.

– Конечно, Олег Ифанович, – с готовностью отозвался тот.

Они шли не торопясь вдоль разноцветной очереди в «Макдональдс». Янис говорил вполголоса, и уже в полуметре его не было слышно, да никому и не было дела до их разговора...

Но вдруг Келлер увидел ЕЁ.

ОНА подошла и встала в самый конец очереди, болтая о чём-то с другой девушкой. И самое страшное – ей было столько же лет, сколько тогда, в доме оберштурмбаннфюрера.

Келлер вздрогнул. К такому он не был готов.

– Постой-ка, – прошептал он Янису, останавливая его жестом.

Анна обернулась.

Человек, смотревший на неё в упор, был ей незнаком.

– Матильда, – сказал он вслух.

– Вы ошиблись, – ответила девушка испуганно, – меня Аня зовут...

– Матильда, – повторил Келлер.

– Что надо? – рядом с Аней появилась её подруга. Юлька без страха взглянула в глаза Келлера, но увидела там что-то жуткое, чего ей раньше видеть не приходилось. А он не отрывал взгляда от Ани.

«Маньяк!» – подумала Юля, вспомнив недавние публикации в «Московском комсомольце».

– Псих, что ли? – бросила она громко и нарочито грубо. – Вали отсюда, что вылупился, старый пень!

Янис слегка потянул Келлера за рукав. Да он и сам уже осознавал нелепость ситуации, но, чёрт побери, он готов был биться об заклад, что встретил ту самую Матильду, укрывшуюся теперь за спинами стоявших в очереди.

Они пошли дальше по бульвару в сторону здания ТАСС, но Арнольду пришлось потратить ещё минуту, чтобы привести мысли в порядок и возобновить разговор с Янисом о делах.

– Дурак какой-то, – неслось ему вслед.

Впрочем, девчонки быстро забыли об этой странной мимолётной встрече.

Аня была готова достоять очередь до конца и всё-таки попробовать легендарный «Биг Мак», но Юле пришлось часа через три её оставить – нужно было идти за младшим братом в детский сад. Родители Юли работали в Зеленограде, возвращались поздно, и эта обязанность лежала на ней.

Широким шагом девушка направилась к метро «Горьковская».

– Эй, красотка! – крикнул ей какой-то щёголь из самого начала очереди. – Давай к нам, угостим «Биг Маком»...

Его спутники громко, по-лошадиному засмеялись.

Не оборачиваясь в их сторону, Юля зашла в подземный переход.

Меньше чем через час она толкнула рукой окрашенную в голубой цвет металлическую калитку детского сада на окраине Москвы.

Шестилетний Артём, увидев её с детской площадки, спрыгнул с лесенки и побежал навстречу сестре, облачённый в будёновку, с пластмассовой саблей наперевес.

Зацепившись за что-то застёжкой сандалии, мальчик рухнул вперёд и растянулся на асфальте. Юля подбежала к нему через несколько секунд, подняла на ноги. Кровь выступила на разбитых коленках. Губы мальчика скривились.

– Ну-ну, не плачь, – стала успокаивать его Юля. – Ты же боец, Тёмка? А бойцы не плачут.

– Боец Красной Армии Зайцев Артём! – гордо ответил Тёмка, блеснув дырой на месте переднего молочного зуба. – У меня сегодня зуб выпал, вот! Верхний! – и он смахнул со щеки две случайные слезинки, в которых отражалось солнце.

* * *

Конспиративная квартира ЦРУ располагалась в московской многоэтажке-новостройке, где жильцы ещё плохо знали друг друга. Впрочем, сами её обитатели были уверены, что их

поселили в жилище сочувствующего «Саюдису» московского интеллигента, литовца по национальности.

Обстановка была скромной и практичной – четыре одинаковые кровати, две из которых заправлены, окно занавешено плотными чёрными шторами.

В поздний час свет в комнате был погашен, но двоим активистам, как нарочно, не спалось.

– Юозас, – тихо позвал один из них, – ты спишь?

– Нет, – откликнулся второй, – а что?

– Я тебе должен сказать кое-что очень важное. Ты меня слышишь, Юозас?

– Конечно.

– Мне вообще-то запретили тебе это рассказывать, – так же тихо продолжил Янис, – но я считаю, что должен. Ты же мне как брат, Юозас, даже больше чем брат... Ты поклянись, что никому и никогда не скажешь...

– Никому и никогда, – словно эхо, повторил его младший товарищ, – Клянусь...

– Этим летом будет новая советская агрессия против Литвы, – заговорщически сообщил старший, – а возможно, и против других прибалтийских государств.

– Да ну! – Юозас аж приподнялся на локтях. – Как в сороковом году?

– Ага! А ты думал, Советы нас просто так возьмут и отпустят? Держи карман шире!

– Так у них вроде у самих перестройка... – засомневался молодой активист.

– А то ты русских не знаешь! Это всё для вида, а реально – летом русские введут в Прибалтику танки. Это информация совершенно точная, – он ещё больше понизил голос, – и скоро начнут переброску войск с Урала. Естественно, тайно. Но везде есть сочувствующие нашей независимости, и наши об этом узнали. И... ты точно никому не расскажешь?

– Не сойти мне с этого места! – отозвался Юозас, чуть не сорвавшись с шёпота.

– Тогда слушай... Когда поступит команда, будет уничтожен эшелон с военной техникой в тылу у русских. И... в общем, это задание поручено нашей группе. Так что – готовься! На тебе, считай, ответственность за судьбу Литвы. Так вот. А теперь – спи.

Легко сказать, спи, после такой-то новости!

– Янис! – чуть не закричал Юозас. – Ну пожалуйста... А когда это будет? И как...

– Я сказал – пока всё. Больше сам не знаю. Пока не положено. Спи давай. И главное, молчи пока, – он отвернулся к стене и вытянулся под одеялом, давая понять, что разговор окончен. Через минуту выговорившийся литовец уже спал.

Исполнительный и аккуратный по природе, Янис тоже гордился оказанной ему честью, однако не задумывался, почему куратор велел ему сообщить напарнику об ответственном задании именно в такой форме.

А пока взбудораженный новостью Юозас, с которого сон как рукой сняло, ворочался с боку на бок, и воображение рисовало ему сцены, одна другой фантастичнее. Вот он, Юозас, пускает под откос эшелон с танками, диверсия становится достоянием гласности, срываются планы советской агрессии, и сам Витаутас Ландсбергис в Вильнюсе вручает орден молодому герою Литвы... А может быть, он погибнет, выполняя задание – мысль о собственной смерти не страшила Юозаса – и орден будут вручать его матери. Она наверняка будет плакать, у неё всегда глаза на мокром месте, но будет же и гордиться, что вырастила такого сына. И люди в селе скажут ей: «Не плачь, Эмилия, твой Юозас отдал жизнь за свободу всех литовцев»... И дети будут завидовать...

Мысли будущего героя Литвы путались от волнения, перескакивали с одного на другое.

– Янис, – позвал он, – Янис, а как же Олег Иванович? Он же русский? Почему он с нами? Как ты думаешь?

Старший не ответил. Он уже крепко спал.

* * *

Матильда...

Арнольд Келлер не мог ошибиться.

Чёткость и безупречность составляли кредо мистера Келлера задолго до того, как он поступил на службу в ЦРУ. Даже ещё до того, как оказался в Америке.

Девчонка.

Девчонка, мывшая полы и убиравшая мусор в доме, который занимал его отец.

У неё было русское имя, но оберштурмбаннфюреру Келлеру было лень ломать язык, и он звал её Матильдой.

Арни тоже звал её Матильдой.

Потом, когда он зло и упорно штудировал русский язык, часами и сутками убирая акцент из произношения, он пожалел, что не знал, как её звали на самом деле.

За сорок с лишним лет он ни разу не пытался её найти – даже не потому, что был уверен в её смерти. Он мстил не девчонке, он мстил всем проклятым русским. Он посвятил этому свою жизнь. Месть – блюдо, которое подают холодным, и теперь, в пятьдесят девять лет, Арнольд знал, что близок час решающего удара по этой проклятой стране. Ради этого стоило жить, стоило ждать...

Да, он был уверен, что девчонку застрелили. Или что она утонула в болоте.

Даже если она, чёрт возьми, осталась жива – сколько же ей сейчас лет, вряд ли меньше чем ему. Она, конечно, ведьма, – он усмехнулся, – но не могла же она не постареть за эти годы...

Он передёрнул плечами, чтобы отогнать от себя внезапно возникшее наваждение.

В конце концов, он прибыл в СССР для контроля за выполнением специального задания, а не затем, чтобы тревожить призраки почти полувековой давности.

Хотя как же всё-таки жаль, что он тогда не узнал, как её звали.

Он запомнил только название города, где это произошло, будь он проклят – город с таким названием не может не быть проклят.

Slawjansk.

* * *

Год 1989. Июнь.

В кружке на столе остался недопитый чай. Последовавший всё-таки совету друга Фёдор Ермишин собирался на юг в суматохе, вспоминая, что забыл положить в чемодан то одно, то другое. Уже оформив отпуск и получив на руки билеты и путёвку в пансионат, он до самого дня отъезда ходил на работу, увлечённый расчётами нового проекта, который, как ему казалось, мог одновременно удешевить строительство насосных станций и повысить их безопасность. В итоге за три часа до отхода поезда выяснилось, что чемодан не уложен, вещи даже не постираны, а в раковине скопилась гора грязной посуды – пунктуальный в инженерных расчётах, Ермишин был до ужаса рассеян в быту, что накладывало отпечаток на всю его холостяцкую жизнь – фактически, конечно, холостяцкую, потому что формально он по-прежнему состоял в зарегистрированном браке с гражданкой Натальей Ермишиной...

Фёдор выбежал из подъезда и быстрым шагом направился к автобусной остановке, на ходу поправляя очки и приглаживая расчёской волосы. Времени он, конечно, потерял много, но на поезд ещё вполне успевал, даже с запасом.

Автобус подъехал через несколько минут, он вошёл в салон, двери закрылись, и только потянувшись к нагрудному карману, чтобы достать проездной и предъявить его водителю и

пассажирам, Ермишин понял, что ничего, кроме проездного, в кармане нет – билет на поезд остался на кухне, рядом с чайной кружкой.

– Остановите!!! – он отчаянно заколотил костяшками пальцев в двери только было отъехавшего от остановки ЛиАЗа.

Водитель, с лёгким презрением взглянув в зеркало на только что вошедшего пассажира, ломящегося наружу, небрежно нажал на педаль тормоза и приоткрыл одну створку задней двери. Человек с чемоданом протиснулся сквозь створку и выбежал на улицу.

– Спасибо! – крикнул он вслед уходящему автобусу. Но водитель его уже не слушал, слегка пожал плечами, он вёл машину по положенному маршруту.

До остановки было метров триста. Пока Ермишин преодолел их, поднялся в квартиру, схватил спокойно лежавший на кухне билет и вернулся назад – он почти безнадежно опаздывал на поезд. Но следующий автобус, нарушив расписание, подошёл через несколько минут, и, когда он выскочил из автобуса на привокзальной площади, состав Новосибирск-Адлер ещё стоял на платформе, и по громкой связи призывали провожающих выйти из вагонов, и проводницы звали назад вышедших подышать свежим воздухом родителей с детьми, и вожатые следили, чтобы не отстал никто из ехавших отдыхать сибирских школьников...

Федор бросился к поезду кратчайшим путём – к деревянному настилу, на переход через пути, не обращая внимания на запрещающие знаки – здесь начинался ремонт дорожного покрытия.

– Куда?! – его резко остановила полная немолодая женщина в форменном жилете ремонтной бригады. – Слеп, что ли? Куда прёшь? Туда нельзя, ремонт!

– Девушка, милая, – Фёдор задыхался от бега, а до отхода поезда оставалось три минуты, – пропустите, пожалуйста, на паровоз опаздываю, вот билет, – он показал край смятой бумажки из кармана рубашки, – пожалуйста...

– Вон там обход через виадук, – кивнула тётка налево, в сторону лестницы.

– Так не успею же...

Но спорить с дамой было бесполезно, и Ермишин со всей резвостью, на какую был способен, помчался к надземному мосту. Впрочем, поезд поехал, когда он ещё не добрался до конца лестницы, ведущей наверх, проводница последнего вагона выставила вперёд руку с разрешающим движением сигналом, и запыхавшемся Ермишину оставалось только стоять на мосту и смотреть, как, набирая скорость, растворялся в сиреновой вечерней дымке проходящий поезд Новосибирск-Адлер, а внизу бранила кого-то сердитая толстая женщина из ремонтной бригады.

Женщина, имени которой инженер Ермишин так и не узнал.

Глава третья

Ермишина разбудил резкий, настойчивый звонок в дверь. Он вскочил, протёр глаза. Круглый циферблат будильника показывал семь часов двадцать четыре минуты. Кто же это мог быть в такое время? Но звонок повторился, сопровождаемый ещё более настойчивым стуком в дверной косяк. Набросив на плечи рубашку, Фёдор пошёл открывать.

На пороге стоял участковый, которого, судя по его растрёпанному виду, тоже подняли с постели в неурочное время, а за его спиной на узкой лестничной площадке толпились ещё трое милиционеров и несколько человек в штатском.

– Ермишин Фёдор Петрович?

– Да... я... – ответил ошарашенный вторжением Фёдор.

– Вы строили продуктопровод Сибирь – Урал – Поволжье? – спросил стоявший немного позади человек в штатском.

– Участвовал в проектировании, – подтвердил Ермишин.

– Одевайтесь, поедете с нами, – приказал ему милицейский капитан.

– Но что произошло? – попытался выяснить инженер.

– Там узнаете, – ответили ему. Подавленный Фёдор начал натягивать брюки. Происходившее было слишком нереалистичным и слишком напоминало новые фильмы про тридцать седьмой год...

Через несколько минут Фёдора Ермишина вывели из подъезда и усадили в милицейский «ГАЗик». Немногочисленные в ранний час зеваки, перешёптываясь, смотрели ему вслед. Но машина торопливо завелась и уехала, и он не успел понять, с чем связан его утренний арест.

В отделении милиции Фёдора подвергли личному обыску в присутствии понятых. На стол по порядку ложилось содержимое карманов: медная мелочь, носовой платок, неиспользованный билет на поезд...

– Это что такое?

– Билет, – с готовностью пояснил Ермишин, – я вчера собирался уезжать в отпуск, но опоздал на поезд. Остался билет, а поменять его можно на другой день только за три часа до отправления...

– Поезд двести одиннадцатый Новосибирск-Адлер? – с напором перебил его человек в штатском.

– Да, – подтвердил Фёдор, – на вчерашнее число...

– Занесите в протокол. Крайне интересная деталь, и слишком любопытное совпадение для простой халатности.

– Объясните же наконец, что случилось, – взмолился растерянный Ермишин.

– Вы хотите сказать, что ничего не знаете? – спросил старший по возрасту из людей в штатском.

– Представления не имею...

– Хорошо, объясняю. Сегодня в час ночи в Башкирии, на перегоне Аша – Улу-Теляк произошёл взрыв на газопроводе высокого давления, который Вы строили. В момент взрыва через его эпицентр проходили два пассажирских поезда, Новосибирск-Адлер и Адлер-Новосибирск. Количество жертв уточняется, но погибли сотни людей. Причиной взрыва эксперты называют несоблюдение технологии при строительстве. В ближайшее время Вам будет предъявлено обвинение в соответствии с уголовным законодательством РСФСР...

Он говорил что-то ещё, но Ермишин не слышал, точнее, не воспринимал информацию. Услышанное поразило его, как гром посреди ясного неба, и он не знал, что отвечать, он даже не сообразил, как специалист, что эксперты технически не могли определить причину взрыва

всего за несколько часов... Это придёт ему в голову потом, а пока он, потрясённый, бессильно уронил голову на руки.

– Как же так... – только и мог повторять Фёдор. – Как же так...

* * *

Куратор назначил Янису встречу в одиннадцать вечера в Курьяновской пойме, на берегу Москвы-реки, между плодоовощной базой и станцией аэрации. В такое время суток этот и без того пустынный берег напротив Коломенского был совершенно безлюден.

Янис ехал от метро «Текстильщики» на автобусе до конечной. На остановке он вышел один – предыдущие пассажиры сошли возле последних жилых домов Курьяново. Водитель автобуса, погасив свет в салоне, перекурил и повёл машину в парк, а вечернему пассажиру пришлось пройти ещё два-три километра, прежде чем он явился в условленное место. Прибыл он вовремя – куратор не терпел опозданий.

На месте никого не было, и это было странно. Янис огляделся, но никого не увидел. На берегу быстро темнело.

Вдали догорал закат. С реки тянуло прохладой. На противоположном, правом берегу, где раскинулся парк Коломенское, кричали чайки. Набережная уже опустела. В нескольких километрах справа светились огоньки Нагатинского затона, а слева – района Москворечье. Но левый берег реки тонул в полной темноте.

Вдруг Янис услышал шелест колёс и шум автомобильного мотора. Звуки возникли внезапно, как будто машина не подъехала издали, а стояла поблизости, чего-то выжидая.

Литовец всем телом повернулся на звук и в следующее мгновение получил сзади сильный удар по голове.

Теряя сознание, он рухнул на землю, так и не успев понять, что случилось.

Меньше чем через минуту чавкнула, сомкнувшись, чёрная вода, и круги разошлись по речной поверхности, а автомобиль с погашенными фарами растворился в ночи.

Тело активиста «Саюдиса» нашли в очистных сооружениях несколько дней спустя. Это вызвало скандал в печати – в убийстве обвинили, разумеется, агентов КГБ, а по Вильнюсу прокатились многочисленные митинги протеста. Не отстали от прибалтийских коллег и московские демократы, яростно разоблачавшие преступления кровавых чекистов.

Но никому – ни «Саюдису», ни слабевшим официальным властям, ни напористым демократическим депутатам из «Межрегиональной группы», ни представителям только зарождавшихся ростков не оформившегося ещё сопротивления политике реформ – не пришлось в голову связать нераскрытое убийство литовского националиста с недавней катастрофой двух поездов в Башкирии, которую практически сразу списали на безалаберность строителей.

Догадаться о связи этих событий и сопоставить факты, наверное, мог бы второй боевик – Юозас.

Но Юозас исчез.

Вердикт узнавшего об этом Келлера был коротким:

«Найти и уничтожить».

* * *

Майор КГБ Антон Стригунков пришёл в изолятор временного содержания на третий день.

Глядя на осунувшегося, обросшего щетиной Фёдора, он долго молчал. Конвоиры принесли горячий чай, который с жадностью глотал Ермишин, обжигая губы, и оставили их наедине. Антон угостил его сигаретой и закурил сам.

– Это была диверсия, Федя, – сказал наконец Антон, – но с самого верха запретили работать в этом направлении. Всё будет списано на халатность при строительстве. Прости, Фёдор, но помочь я тебе не смогу. Это не в моих силах. Осудят тебя, скорее всего, лет на пять, так что держись...

– Кто это сделал? – глухо спросил Ермишин.

– Не знаю, – ответил Антон. – Будь моя воля – я тряс бы националистов. Закавказье, Прибалтика, «Народные фронты», все эти гадюшники. На мой взгляд, уши растут оттуда. Но нам строго запрещено этим заниматься. Честно говоря, я за все годы помню только один такой случай, чтобы был прямой запрет на расследование диверсии – тогда, когда нас командировали в Чернобыль. Уже при Горбачёве.

– Почему? – спросил Фёдор.

– Потому что грядёт катастрофа. Катастрофа более страшная, чем взрыв поездов и даже чем Чернобыль. Не видит этого только слепой. И вот что, Федя. Я принял решение и подаю рапорт об отставке. Я честный человек и участвовать в этом не хочу.

– Я понимаю, Антон, – с трудом произнёс Ермишин, – я только об одном тебя хочу попросить. Сообщи, пожалуйста, моим родным, что я ни в чём не виноват. Жена... не думаю, что Наташе это важно. С женой мы давно расстались, теперь у неё не будет никаких препятствий для оформления развода, но всё же. Наташа живёт в Грозном. И дочь моя, Анна, когда повзрослеет, пускай знает. Ей сейчас пятнадцать, она в Москве, у моей старшей сестры. Запиши, пожалуйста, адреса.

* * *

«Господи Иисусе, почему так?

Почему именно меня?..

Господи, зачем это сделано моими руками?

Шесть сотен невинных жизней... Зачем? Почему?

Господи Иисусе, прости, я не знал!! Я клянусь, я не знал!! Я понятия не имел, что Олег Иванович хотел взрывать пассажирские поезда! Я верил, что это эшелон с танками, с танками против Прибалтики... Я хотел защитить жителей Литвы... Женщин и детей, защитить от безбожников...

Неважно.

Глупое оправдание.

Матерь Божия, я убил шестьсот человек. Матерь Божия, Дева Мария, как мне жить дальше? Подскажи.

Господи Иисусе, почему ты позволил мне сделать это? Почему ты не послал раньше офицеров КГБ, чтобы они посадили меня в тюрьму? Почему ты позволил врачам выходить меня от скарлатины, чтобы я не умер маленьким? Лучше бы тогда умер. Мне было три года, и моя мать родила бы нового ребёночка, и всем было бы хорошо...

Господи, почему ты не остановил меня? Почему ты не остановил вот эти руки, вот эти пальцы, когда они выполняли приказ, почему...

Зачем? Я этого не хотел. Я не хотел убивать детей. Даже русских. Я не хотел сжечь шестьсот человек. Я хотел мира моей земле... Господи Иисусе, зачем ты не взял меня на небо маленьким? Я стал бы ангелочком, и всё было бы хорошо, я бы не убил шестьсот человек...

Господи, я знаю, что нет мне прощения, нет прощения за такое... Но что же мне делать теперь? Как мне дальше-то жить, грешному? Господи, подскажи... Зачем я живой? Я готов принять любую кару. Я готов пойти в тюрьму, на смерть, если это нужно, но как мне искупить шестьсот жизней? Я не знаю, Господи.

Господи, прости, я, раб божий Юозас, не знаю, как положено молиться. Меня этому не учили ни в школе, ни в армии, а в «Саудисе» я интересовался только боевой подготовкой. Старики говорят, что самоубийство – грех, и это меня держит... Так или нет? Просвети, Господи...

Пресвятая Дева Мария»...

Юозас сидел на тёплой земле на высоком берегу Пахры, уронив на колени большие сильные руки, которые могли бы пахать землю в его родном колхозе и которые, если бы сегодня сделать с них смывы и провести анализ, ещё хранили следы взрывчатки. Рядом с ним лежал свежий номер газеты «Правда».

Внизу, шлифуя камешки, плескалась подмосковная речка, и через мост неторопливо полз красный пригородный автобус.

Прозрение было страшным.

И ничего исправить было нельзя.

В первые часы после прозрения Юозас хотел наложить на себя руки и не сделал этого потому, что успел понять, кто и зачем избавился от Яниса и кому сейчас нужна была смерть второго исполнителя.

Потом он думал о том, чтобы пойти и сдать.

Он думал об этом весь вчерашний день, нарезая круги между площадью Дзержинского и площадью Ногина.

Его, конечно, расстреляют, да он и заслуживает расстрела, но не это удержало Юозаса от явки с повинной.

Прикрыв веки, он увидел перед собой Олега Ивановича – усмехающегося, чуть прищурившего глаза.

«У нас везде свои люди, и в КГБ тоже», – говорил он молодым националистам, изображая минуту откровенности, и теперь Юозас понимал, что это не было пустым бахвальством, только раньше он считал, что, говоря «у нас», куратор имел в виду «Саудис».

Вряд ли подобную операцию удалось бы провернуть без помощи советских спецслужб, хотя бы потому, что два сгоревших поезда никогда прежде не встречались на этом участке. В ту роковую ночь один из них опаздывал, а другой шёл раньше графика. Значит, всё было согласовано, и в заговоре должны были участвовать, как минимум, железнодорожники, даже если их обманули, как и Юозаса, и они не представляли себе всего плана, но всё равно никто из них не сообщил в органы, или их покрывали. Скорее, второе, и даже больше, чем согласованный сбой графика движения, в этом убеждали сообщения СМИ в первые же сутки, что диверсия исключена, что речь идёт о халатности при строительстве и уже есть первые подозреваемые. Они не могли установить всё это так быстро, практически когда ещё на месте работали пожарные и спасатели. Если, конечно, не готовились заранее.

Рядовой боевик, Юозас мог только догадываться о плотности сети, которой опутали Советский Союз западные спецслужбы.

В Литве ему появляться нельзя, это очевидно. Скорее всего, уже никогда. Да и вообще выходить на связь с родными. Не говоря о более серьёзных силах, предателя моментально вычислит разведка «Саудиса» – в том, что он уже стал таковым для бывших соратников, не было никаких сомнений после того, как он, во-первых, не явился по вызову, а во-вторых, самовольно без разрешения покинул конспиративную квартиру.

Юозас до конца не уяснил для себя, какова же в реальности схема взаимодействия организации с хозяевами, но было вполне достаточно и того, что между ними налажен обмен информацией.

А это значит, что он больше не увидит ни мать, ни Марту...

Юозас погладил руками мягкую траву. Где-то далеко за рекой мерно работал трактор. Ему вдруг живо вспомнилось детство, вот он идёт с отцом по полю, зреет хлеб, наливаются

золотистые колосья. Вот отец поднимает его, маленького, на руки, показывает ему комбайн, большой и жёлтый, с буквами «Ростсельмаш» – это была первая надпись, которую маленький Юозас прочитал по-русски, в семье говорили на литовском и газеты выписывали на литовском... Это потом, когда он подрос, уже в городе, после развода родителей, взрослые дяди объяснили ему, что русские – это оккупанты... Потом «Саюдис», молодёжное крыло... Потом... Нет, нет, не надо сейчас об этом, о поездах, о «Саюдисе» не надо, это всё равно о поездах, не надо, ему и так всю жизнь о них помнить, пускай хотя бы на несколько минут будет поле, такое же, как там, за Пахрой, колосья и комбайн, парное молоко, отец и мать, и руки отца, которые растили хлеб, мозолистые и надёжные, такие же большие и крепкие, как у него сейчас...

Только бы родители не узнали, что случилось на самом деле. Нет, нет, лучше просто пропасть без вести и не смотреть в глаза ни матери, ни отцу. И Марте тоже. Прощаясь с ней в последний раз, он сказал, что уезжает на время, что вернётся через два-три месяца, максимум полгода, что он вернётся, и она обещала ждать. Пускай не ждёт, да она и не будет. Пускай выходит замуж. Жаль, что он не простился с родными... да нет, та жизнь всё равно кончена.

«Убийца!» – беззвучно кричали травы, листья и плывущие по небу облака.

Юозас сжал пальцами виски.

Куда же он мог идти или ехать, куда направить свою физическую оболочку?

Где его будут искать?

В первую очередь после Прибалтики, скорее всего, в Москве и её окрестностях.

Надо уезжать.

Но куда?

Первая мысль – на север, на вахту, может быть, там его не найдут враги. Хотя они не глупее его...

Так или иначе, он попытается выжить. Хотя бы попытается. Выжить и, может быть, когда-нибудь рассказать людям правду.

Может быть.

* * *

На стадионе во дворе дома гоняли мяч старшие мальчишки. Артём легко спрыгнул с голубого ограждения с надписью «Спорт – это здоровье!» и рванул к светофору.

Он выбежал навстречу сестре, вырвав свою ручонку из ладони сидевшей на скамейке соседки Татьяны с третьего этажа, кассирши из продуктового магазина, едва завидел переходивших дорогу подружек Аню и Юлю, обеих в синих форменных костюмах старшекласниц, возвращавшихся сиреневым днём с последнего экзамена за восьмой класс.

– Анька! – крикнул он через светофор. – Давай к подъезду! У вас обыск на квартире!

Старшие ребята, забыв о футбольных воротах, повернули головы в сторону перекрёстка – во дворе явно происходило что-то необычное.

Татьяна стояла у подъезда, держа в руке свёрнутый журнал «Огонёк». Из-за специфики своей работы, слушая разговоры в очередях, она всегда была в курсе всех слухов и сплетен, как политических, так и касающихся только жителей квартала.

Из сбивчивых объяснений соседей девушки поняли, что милиция пришла в квартиру Ермишиных с утра, когда дома была только Матрёна Петровна, которая и открыла им дверь, и устроили обыск, и связано это было с катастрофой поездов в Башкирии, о которой несколько дней подряд писали газеты.

– И что же теперь делать-то? – шокированная Аня в растерянности опустила на деревянную лавочку у подъезда, с которой только что встала Татьяна с третьего этажа. Её тонкие руки со следами не приветствовавшегося комсомольской организацией школы маникюра бесильно упали на колени, обтянутые синей форменной юбкой.

– Может, разберутся... – оробев, предположила Юля, с тревогой глядя на брата и столпившихся вокруг него мальчишек, уже учившихся в школе, которые ни за что не стали бы общаться с детсадовцем Тёмкой, если бы не потрясающая новость – обыск в соседней квартире! – которая сразу сделала его героем дня и предметом интереса даже ребят из пятых-шестых классов.

– Конечно! – подхватила кассирша Татьяна. – Слава богу, не тридцать седьмой год на дворе! А перестройка и гласность! Кто ж им позволит просто так невиновных...

Дверь подъезда распахнулась, и на улицу вышел участковый, а за ним двое офицеров милиции и несколько человек в штатском.

– Не волнуйтесь, граждане! – сказал участковый, проходя к милицейской машине и как будто ожидая, что граждане будут волноваться.

На мгновение оцепенение охватило собравшихся.

Первой очнулась Татьяна, бросившаяся вслед милицейской машине.

– Да как вы смеете!.. Сейчас не тридцать седьмой год!.. Сатрапы!..

– Позор-то какой, – произнесла, словно выдавила, вышедшая на улицу Матрёна Петровна, глядя сквозь собравшихся людей.

Осознавая серьёзность момента, замолчали дети – и Артём, и девушки, и все остальные.

Потому что за спиной мальчишек стоял отец Юли – Николай Зайцев, вернувшийся со смены со своего зеленоградского завода. Никто не заметил, как он появился – все были слишком увлечены обсуждением происходящего.

– А ну расходимся все, – властно сказал, словно приказал, притихшим ребятам Николай, – кто на стадион – шагом марш на стадион, а остальные по домам. Нечего здесь толпиться, – будто не замечая девчонок, он подошёл к пожилой женщине, комкая в руке носовой платок, и сразу сменил тон на стеснительный, – Матрёна Петровна, если Вам в чём-то понадобится наша помощь – всегда обращайтесь, не стесняйтесь...

– Спасибо, – скрипуче и суховаато ответила Матрёна, – слава богу, пока ещё сама работаю и ни в чём не нуждаюсь.

На площадке у подъезда установилась странная и недобрая тишина.

Глава четвёртая

«Сейчас не тридцать седьмой год», – голос соседки, резанувший слух Матрёны, так и застыл у неё в ушах.

Да что она знает...

Тридцать седьмой год навсегда остался зарубкой на сердце Матрёны.

Год, когда она впервые встретилась с Виктором.

Она была тогда ещё совсем девчонкой, пионеркой с двумя закрученными баранками косичками с коричневыми бантами, игравшей с подружками в большом дворе, куда выходили окна их коммунальной квартиры, и мать, работница фабрики «Красная заря», могла наблюдать из окна за дочкой.

Дворовые собаки погнались за маленьким белым котёнком с серыми пятнами, и Матрёнка схватила с земли ветку.

– Кыш! Я кому сказала, кыш!

Собаки зло залаяли, и девочка замахнулась на них веткой.

– А ну пошли вон!

Пищащий котёнок оказался на берёзе, куда взбежал, спасаясь от опасности, и теперь жалобно мяукал, не зная, как спуститься вниз.

Матрёнка тоже не могла залезть на такое высокое дерево.

Она огляделась.

И увидела его.

Он стоял на дорожке и наблюдал за детьми уже несколько минут.

Матрёнка выбежала ему навстречу и бойко вскинула руку.

– Товарищ красноармеец! – выдохнула она, хотя по форме он был курсантом НКВД, но значения это не имело, – товарищ боец Красной Армии, просим Вас помочь советским пионерам снять с дерева котёнка!

Виктор почему-то рассмеялся и, потрепав девочку по баранкам, ответил:

– Сейчас решим проблему.

С замиранием сердца Матрёнка следила, как парень, поставив ногу на отходящую в сторону толстую ветку, подтянулся на руках и оказался на несколько метров выше, чем она при всём желании могла бы достать.

Через несколько минут он бережно вручил девочке белого котёнка.

– Держи. И не теряй больше, – Виктор широко улыбнулся ей.

«Незабудка».

Конечно, Незабудкой он назвал её намного позже, но все пятьдесят лет, что она вспоминала эту сцену, ей хотелось, чтобы это случилось именно тогда.

В конце концов, какая кому разница, когда именно? Ведь Витенька погиб в ноябре сорок третьего, а Матрёнка так и не вышла замуж, так кого и зачем это может беспокоить?

...Незабудка.

Это будет уже намного позже, в апреле сорок первого, когда она совершит свой первый парашютный прыжок.

Наверное, в тот год, ранней весной, когда ещё не стаял снег, Матрёнка впервые в жизни влюбилась.

Впервые – и в последний раз.

Конечно, после войны романо-германский факультет иняза был «бабьим царством», учились там в основном девчонки, но будь её желание – она нашла бы себе жениха. Тем более, нашла бы раньше, в партизанском отряде.

Но ей это было не нужно, и теперь, полвека спустя, Матрёна не жалела, что осталась одна.

Она любила Витеньку, и пронесла эту любовь до сей поры, до конца восьмидесятых годов двадцатого века, и он снился ей молодым, хотя сама она разменяла уже седьмой десяток неумолимых лет...

– Пятьсот двадцать один! Пятьсот двадцать два! Пятьсот двадцать три! Кольцо!.. Пятьсот двадцать четыре! Пятьсот двадцать пять! Купол!..

Инструктор Осоавиахима долго не соглашался разрешить Матрёнке прыжок – она не подходила по возрасту.

– Прыгай пока с вышки, – неизменно отвечал он девушке.

С вышки она прыгала, но хотелось-то с самолёта!

Как она ни упрасивала, ей не удавалось – 1926 год рождения был непреодолимым препятствием для всего, что казалось или могло казаться интересным. Удалось это только Виктору, и он заговорщически подмигнул ей – мол, всё получилось, – и Матрёнку взяли в группу парашютистов.

Что Виктор шепнул инструктору, она так и не узнала, но на её возраст закрыли глаза. В ведомости написали, что ей семнадцать лет. Хотя ей, конечно, пятнадцать. Скоро должно исполниться.

И вот она, Матрёнка, стоит на линии осмотра – а Виктор стоит в сторонке и улыбается.

Апрель сорок первого года. Воздух – сладкий, пьянящий, как будто такого больше не будет. Тает последний, чёрный снег. И ветер – радостный, весенний – треплет волосы будущих парашютистов.

Как же ей было страшно, когда самолёт начал набирать высоту... Как никогда до того. Нет, после, конечно, было и страшнее, но это уже потом, а сейчас, в апреле сорок первого, девочка в каске прижалась виском к иллюминатору, а внизу проплывали расчерченные квадраты аэродрома, а за ними синяя лента реки, и широкие колхозные поля...

– Первый пошёл... Второй пошёл...

Матрёнка, конечно, зажмурилась, когда выпускающий легонько толкнул её в спину, и, оторвавшись от борта, она словно рухнула вниз, ощутив бездну под ногами – пятьсот двадцать один, пятьсот двадцать два, пятьсот двадцать три – рванула кольцо, и стропы дёрнули её вверх. «Мама, мамочка, я боюсь», – она повисла над полем на высоте полукилометра, медленно, но неуклонно снижаясь, а с земли что-то кричали, но Матрёнка не слышала, что именно.

– Ноги! Ноги вместе! – кричал Виктор снизу, размахивая руками, не отрывая взгляда от раскрывшегося белого купола над аэродромом. Разом забыв про учёбу и про опыт, он метался по полю из стороны в сторону...

Удар!! Ноги коснулись земли, и Матрёнку поволокло – но только в первый момент, ей удалось самой притормозить движение, а потом купол погасил бежавший по полю Виктор, и он же помог ей освободиться от подвесной системы.

Голову почти не кружило, он взял её за ладони, помог ей свернуть стропы – и они пошли вдвоём через поле, в сторону здания учебки.

Вот так бы идти и идти, через поле, а где-то растёт трава – и что бы с того...

Но в жизни вышло иначе...

Матрёнке не пришлось решать, правильно сложилось или нет.

Но – сложилось так, как было надо.

...Когда было надо, Матрёнка постучала в дверь дома старьёвщика.

Ей тогда было семнадцать лет. По-настоящему семнадцать, без приписок. Она петляла переулками, грунтовыми дорожками, в поисках нужного ей адреса...

– Вы зеркалами торгуете? – тихо спросил срывающийся девичий голос.

– Если барышня интересуется, можем предложить на выбор. Вам на столик или на стену вешать? – ответил отзывом на пароль старик из-за двери. Дверь медленно отворилась. От волнения Матрёнка слотнула. «Старику» было лет сорок пять, не более. Она шагнула вперёд,

вглубь квартиры, и отшатнулась. Над столом, над какими-то бумагами, склонился немецкий офицер, в отутюженной форме, с повязкой со свастикой на локте. И вот тогда-то она испугалась по-настоящему. Матрёнка сделала шаг назад, словно надеясь убежать прежде, чем он её заметит – неужели провал? Как же страшно... – но за её спиной скрипнул на два оборота ключ в замочной скважине в руке встретившего её старика, и Матрёнка в ужасе поняла, что бежать некуда...

Она сделала шаг назад – скорее инстинктивно, чем сознательно, и офицер в форме поднялся от стола навстречу ей.

– Матрёнка! Незабудка!

Мгновение спустя она повисла у него на плечах, хлюпая носом и уткнувшись лицом в железного эсэсовского орла.

– Не плачь, Незабудка, не плачь, – полушёпотом повторял одетый в чужую форму Виктор, обняв её худенькие плечи, обтянутые коричневым платьицем домашней прислуги.

Потом они сидели за кухонным столом, и сильная рука Виктора держала её ладошку. Левую. Потому что правая рука Матрёнки была занята – она рисовала карандашом план дома Келлера.

Тогда они виделись в предпоследний раз.

...Давно это было. Очень давно.

Поднявшись к себе, Матрёна молча сидела на краю кровати в незапертой квартире, посреди гор книг и белья на полу после обыска, не обращая внимания на происходящее вокруг.

Николай открыл дверь осторожно, словно боясь побеспокоить обитателей жилища, прошёл внутрь, за ним проскользнула его дочь Юля, а уже за ней Анна, племянница Матрёны.

– Позор-то какой, – не поднимая глаз и ни к кому не обращаясь, произнесла Матрёна. Казалось, происходящее к ней совершенно не относилось, она оставалась сама по себе.

– Баба Матрёна, – подала наконец голос Юля, – мы же поможем Вам навести порядок в квартире?

Не дожидаясь ответа, она начала собирать с пола книги и ставить их на полки, как было, насколько она помнила, положено. Устыдившаяся своего бездействия Аня вытащила из кладовой стремянку и начала усиленно помогать подруге.

Николай тем временем перетаскивал на место обрушенные тумбочки.

– Что же мы теперь делать-то будем? – спросила Аня у молчавшей Матрёны.

Та медленно подняла глаза.

– Не знаю я, Аня, – произнесла она растерянно, – вроде и жизнь прожила, и всякое видала, а вот в тюрьме у меня никто никогда не сидел.

– А при Сталине... – начала было Аня, но осеклась, когда подруга больно наступила ей на ногу, сообразив, что сейчас Ермишина ляпнет какую-нибудь школьную глупость. Но все остальные сделали вид, что не заметили.

– Что ж, Матрёна Петровна, будем жить, – вздохнул Николай.

– Будем жить, – глухо отозвалась пожилая женщина.

* * *

«Я, Арнольд Келлер, обещаю, будучи членом Гитлерюгенда, исполнять свой долг в любви и преданности фюреру и нашему знамени. Да поможет мне бог!»

Слова торжественной присяги прорывались сквозь десятилетия и кровью отдавались в виски, как когда-то в юности. Теперь, когда победа над ненавистным большевизмом была близка как никогда, ближе чем тогда, когда немецкие солдаты смотрели в бинокль на башни Кремля.

А теперь, в восемьдесят девятом году, Келлер смотрел на Кремль из окна номера на последнем этаже гостиницы «Россия» и слушал Калныныша. По стеклу катились капли тёплого летнего дождя.

Марк Калныныш был его доверенным лицом, но даже близко знавшие его люди, пожалуй, даже сам Келлер не смог бы сказать с уверенностью, верил ли Марк в идею освобождения от тоталитаризма и торжества демократии или же просто любил деньги. Во всяком случае, Калныныш никогда не подводил патрона, какие бы деликатные поручения ему ни приходилось выполнять.

– Вот характеристика из «Саюдиса», – Марк раскладывал бумаги перед шефом, – вот из школы. Данные о родителях, о подружке. В Вильнюсе за прошедший месяц не появлялся, это можно сказать с уверенностью...

– Я думаю, и не появится, – ответил Келлер, – если он не совсем дурак, то должен представлять, до какой степени мы пустили корни в Прибалтике.

– Я бы начинал с того, что попытался определить, с какой целью он скрылся – либо из опасения за свою жизнь, либо из угрызений совести, это разные мотивы...

– Совесть – это химера, – возразил Келлер, – не зря нас этому учили в Третьем Рейхе.

– Разумеется, – согласился Калныныш, – но эту химеру нельзя недооценивать как мотив поведения нашего подопечного. Я Вам ещё раньше советовал поручить это дело профессионалам, а не использовать втёмную дурачков-идеалистов из «Саюдиса», с которыми теперь хлопот не оберёшься...

Келлер поджал губы.

– Профессионалы – товар штучный, – ответил он, – и ими, в отличие от дурачков, разбрасываться нет возможности. Расходного материала же можно набрать много. Хотя есть определённый риск, как в данном случае. Впрочем, мы отвлеклись. Продолжайте, Марк.

– Если бы наш подопечный отправился в советские органы, милицию или КГБ, об этом было бы уже известно, – продолжил Калныныш, – поскольку у нас нет стопроцентного контроля над всеми сотрудниками советских силовых структур на местах, и такой контроль вряд ли достигим в ближайшее время. Поэтому же я сразу отбросил идею организовать розыск через наших людей там, сочинив материал на какое-нибудь совершённое преступление. Это было бы эффективнее, имей мы возможность задействовать советские оперативные каналы, но информация просочилась бы неизбежно, и пошли бы слухи. Кроме того, его явка поставила бы под сомнение официальную версию о разгильдяйстве строителей, могла бы привести к каким-нибудь дополнительным проверкам, а это ни к чему. Далее. Даже если предположить, что объект явился с повинной и его, в силу фантастичности его рассказа с точки зрения среднего человека, отправили в психбольницу, – всё равно в условиях гласности информация появилась бы в том или ином виде. Сейчас я практически уверен, что с повинной он не являлся. Вероятность того, что явится в будущем, крайне низка уже сейчас и продолжает уменьшаться – чем дальше, тем сложнее человеку совершить такой шаг и расстаться со свободой. Это психология.

Он сделал вопросительную паузу.

– Я Вас внимательно слушаю, – отозвался Келлер.

– Попробуйте поставить себя на его место. Куда бы Вы пошли, если бы хотели скрыться и если хотели бы отомстить или предать огласке случившееся? Помимо правоохранительных органов, я рассматриваю ещё варианты редакций телепередач, которые объявляют себя рупорами перестройки и гласности. «Взгляд», например, или «Пятое колесо», или «600 секунд». Если человек достаточно наивен – а было бы это не так, он вообще не оказался бы в этой истории – он мог бы довериться так называемым независимым журналистам. Не в райком же КПСС ему идти, в самом деле!

Арнольд усмехнулся.

– Но об этом мы, разумеется, узнали бы в тот же день. Поэтому, скорее всего, объект скрылся, почувствовав угрозу своей жизни. В Прибалтику ему очевидно путь закрыт, так что я полагаю, что искать его следует в РСФСР.

– В Союзе не четыре республики, Марк, – возразил Келлер.

– Я это учёл. Но в его положении я выбрал бы республику с большой численностью населения и более-менее пёстрым национальным составом. Легче затеряться. Особенно человеку, который по-русски говорит с акцентом. То есть РСФСР или на худой конец Украина. Украину я тоже отбрасываю.

– Почему?

– Тамошние националы ещё с прошлой войны в тёплых отношениях со своими прибалтийскими коллегами. Более вероятно Белоруссия, хотя тоже вряд ли, но на всякий случай представители БНФ в курсе, – Келлер едва заметно одобрительно кивнул, – а в других республиках литовец будет слишком заметен. Поэтому я считаю, что наш подопечный не покидал пределов РСФСР... Но так или иначе, мы его найдём, мистер Келлер, – голос Калныныша сделался жёстче, – никуда не денется, голубчик.

* * *

Марта Жемайте хорошо училась в школе, но никогда не состояла в «Саюдисе», не ходила на его митинги и вообще была полностью равнодушна к политике, в том числе и по пресловутому национальному вопросу. В доме старого Жемайтиса не было принято обсуждать проблемы, выходящие за рамки уютного семейно-соседского мирка. Политическим активистом был Юозас – но она никогда не вмешивалась в его дела.

На акцию «Балтийский путь», где жители трёх прибалтийских республик должны были выстроиться в живую цепь в знак протеста против «советской оккупации», она пришла не из политических соображений.

Она хотела найти кого-нибудь, кто хоть что-то знал о Юозасе. Он не писал ей уже который месяц. Он никогда не исчезал так надолго.

Оказавшись на месте сбора, Марта растерялась. Она впервые видела такое количество людей. Тем не менее, беспорядка не наблюдалось, участники акции действовали слаженно, направляемые бригадами с наруканными повязками «Саюдиса».

– Простите, Вы не знаете Юозаса Турманиса? – обратилась Марта к какому-то мужчине. Тот отрицательно покачал головой. Девушка обратилась ещё к нескольким людям – безрезультатно.

Да, это была глупая затея, всё равно что искать иголку в стоге сена, она просто не представляла себе масштабов проекта...

– Ты откуда, красавица? – подбежал к ней какой-то десятник. – Из чьего звена?

– Я... сама по себе, – потерянно ответила Марта, – Вы не знаете Юозаса Турманиса? Я его ищу...

– Сама по себе – давай в восемнадцатый автобус, – властно бросил ей саюдисовец, – потом своих найдёшь, здесь если потерялась, то уже бесполезно...

Толпа несла Марту в какой-то автобус, она не видела, восемнадцатый это или нет.

– Сегодня, в пятидесятилетнюю годовщину пакта Молотов-Риббентроп, существование которого от нас скрывали... – доносились до неё обрывки чьего-то крика в мегафон.

«Мы же этот договор в школе проходили», – подумала девушка, но эта мысль тут же вылетела у неё из головы, и больше она не отвлекалась от своих безнадёжных поисков.

* * *

По тёмной платформе молча шли пассажиры.

Их было много, они были разные – взрослые и дети, мужчины и женщины, худые и толстые, молодые и старые, в разной одежде, с сумками, чемоданами или вообще без вещей. Не глядя на него, человеческие фигуры просто шли к составу, равномерно и обречённо, нескончаемой цепочкой, в абсолютной тишине, поднимались по металлическим лесенкам и исчезали в вагонных дверях.

Их было много, очень много, гораздо больше, чем написали в «Правде».

Он не видел только их лиц, хотя мог разглядеть детали одежды и сумок – вот женщина в коричневом плаще, держит за руки двоих детей, вот пожилой мужчина с большой клетчатой сумкой, вот женщина с сумкой-тележкой, вот молодой человек подаёт ей руку и помогает поднять багаж по ступенькам вагона, а вот учительница, сопровождающая школьников в оздоровительную поездку на юг, а вот и сами школьники, человек тридцать, целый класс, наверное.

Только не видно лиц и не слышно голосов. Никто из них не обернётся и не крикнет «Убийца!» И вообще ничего не скажет. Молчат. Даже школьники молчат. Просто идут к вагонам и всё. Потому что мёртвые не разговаривают. И только Юозас, единственный живой, смотрит на этот страшный парад мертвецов. Смотрит каждую ночь, вернее, каждый раз, когда удаётся сомкнуть веки – дни и ночи давно перемешались в сознании беглеца – снится ему один и тот же сон, и нет этому кошмару конца.

Юозас мог ночевать в поле, в лесу, в кустарнике, отойдя на значительное расстояние от шоссе – пока погода позволяла не заботиться о крыше над головой, а он был не в состоянии о чём-то думать больше, чем на несколько часов вперёд. В общем-то, ему было всё равно, в какую сторону идти или ехать, лишь бы не приближаться к железной дороге – ему казалось, что он сойдёт с ума, если ещё раз увидит наяву вагоны и рельсы...

Он устроился на ночлег в глухом месте, соорудив себе подстилку из веток и листьев.

И ему вновь приснился бесконечный поток пассажиров, бредущих на посадку.

Но на этот раз к их безмолвию присоединился жуткий запах горелого мяса.

Чутьё загнанного зверя разбудило бывшего диверсанта.

Юозас открыл глаза и понял, что это не сон.

В сотне метров от него стояли два грузовика с включёнными фарами. А поодаль две фигуры в рабочей одежде и респираторах развели костёр и бросали туда упаковки с продовольствием.

Вонючий дым стлался над берегом реки.

Юозаса передёрнуло. Он не мог представить, кто эти люди и зачем они уничтожают продукты посреди ночи в безлюдном месте, но не нужно было быть семи пядей во лбу, чтобы понять – лишние свидетели им не нужны.

Он понятия не имел, сколько сейчас времени, но догадывался, что светать начнёт скоро – ночи в это время года очень коротки.

Прижавшись к земле, он по-пластунски отполз за кусты, и только там его вывернуло от тошнотворной вони. Люди в респираторах не видели его – они были заняты своим делом.

Юозас пригнулся и бесшумно, по-кошачьи побежал прочь, через сотню метров вновь упав на землю. Но его по-прежнему не замечали.

Лишь достигнув лесочка, он позволил себе подняться в полный рост и, выдыхаясь, бежать к трассе. Прочь, прочь!..

Розовый июньский рассвет занимался над Подмосковьем.

Глава пятая

«15. VI.1943

Оберштурмбаннфюреру Келлеру

Секретно, лично

Довожу до Вашего сведения, что, по агентурным данным, в окрестностях Славянска появилась русская диверсионная группа, предположительно возглавляемая Виктором Черняевым, имеющим звание капитана НКВД.

Приметы Черняева: славянской внешности, рост выше среднего, телосложение спортивное, волосы русые, вьющиеся, нос прямой, глаза голубые. В совершенстве владеет немецким языком. Особых примет не имеется.

В случае обнаружения диверсантов или наличия сведений о них немедленно сообщить...»

Откуда было знать Келлеру-старшему, что в момент, когда он читал это донесение и готовил распоряжение о перекрытии всех въездов в город, в неприметном домике на соседней улице Черняев сидел за дубовым кухонным столом, держа в своей сильной ладони маленькую ручку Незабудки... И хозяин конспиративной квартиры, прикрыв дверь, вышел на кухню, чтобы не мешать им улучшить у судьбы лишние пятнадцать-двадцать минут...

То была их предпоследняя встреча.

* * *

«Я больше не могу.

Наверное, лучше мне умереть. Иначе я сойду с ума.

Господи, подскажи.

Господи, мне не с кем посоветоваться.

Я спросил бы у матери. Она, наверное, сказала бы, что мне делать. Она бы поняла. Не простила, нет – как это простить – но поняла бы.

Я не знаю, я просто не знаю, что мне делать дальше.

Мне очень страшно. Очень.

Лучше бы меня вызвали первым. Меня, а не моего названного брата Яниса. Я был бы сейчас холодный и мёртвый... Нет, нет, это неправильно. Я должен был умереть раньше, до того, как это случилось с поездами.

Но я не умер.

Господи, я не могу так дальше жить. Я не выдержу, не выдержу, не выдержу...»

...В семь утра в отделении милиции маленького городка заступила на пост суточная дежурная смена.

Это был обычный день, и утро проходило спокойно – никаких непредвиденных событий не ожидалось.

Странный посетитель явился в отделение около девяти утра.

– Я пришёл стафаться, – заявил он дежурному.

– Чего натворил-то? – с тоской спросил милиционер, отрываясь от свежего журнала «Огонёк». Он уже предвидел, что придётся вызывать оперативную группу, проводить первичные действия по какому-нибудь делу, не стоящему выеденного яйца...

– Я член террористической организации, – сказал пришедший. – Я... мы по затанию запатных спецслужб фзорфали тфа поезта под Уфой. Я готов рассказать следстфию, как это пыло осуществфлено...

Это проще, подумал дежурный.

– Посиди тут на лавочке, – кивнул он и вызвал психиатрическую бригаду.

* * *

Было уже за полночь, когда из ворот продуктовой базы на окраине Москвы выехали два грузовика и направились за МКАД. По дороге они завернули во двор общежития гостиничного типа, где жили семьи шофёров с автопредприятия. В этот поздний час на всё здание светились лишь два окна – в двух квартирах не спали жёны работников ночной смены. Остановившись у подъезда, они торопливо выгрузили из кузовов по несколько ящиков груза и один за другим занесли по лестнице на свой этаж.

Через несколько минут машины уже двигались на юг на высокой скорости, навёрстывая упущенное время. Свернув с шоссе, они проехали некоторое расстояние по просёлочным дорогам, пока не оказались в совершенно пустом месте за свалкой строительного мусора. Впрочем, маршрут был водителям явно знаком, а трава изъезжена колеями колёс тяжёлых автомобилей.

Остановившись, водители стали быстро разгружать машины, выбрасывая содержимое прямо на землю. Затем они отогнали грузовики на безопасное расстояние и вернулись с канистрой бензина.

– Эх... сколько добра-то пропадает, – со вздохом почесал затылок один из водителей, расплескав горючую жидкость.

Второй не ответил.

Чиркнула спичка, и вспыхнуло яркое пламя, озарив окрестность. Морщась, водитель резко натянул респиратор.

– Что-то я не пойму в этой жизни, Гриша, – сказал первый водитель, когда они уже шли к машинам, закончив дело, – в магазинах дефицит, а мы уж которую ночь продукты жжём... Не понимаю...

– И не надо тебе понимать, – огрызнулся второй, – и мне не надо. Наше дело маленькое, отвезти, оприходовать и получить тройной оклад за смену. Что, зачем, почему – не нашего ума дело, пусть у других голова болит, я свою работу выполнил. И тебе не советую. Держи язык за зубами. Желающие-то найдутся на лёгкие деньги. Поехали по домам.

* * *

...Ему не поверили.

Он ждал, что его возьмут под стражу, закуют в наручники, отвезут в тюрьму, в конце концов, расстреляют, но ему просто не поверили...

– Мошно покурить на улице? – спросил Юозас через несколько минут.

– Кури, – кивнул дежурный.

Он вышел из отделения. Луч солнца скользнул по асфальту.

Ноги сами оторвались от земли, тренированное тело сгруппировалось в прыжке, и через секунду он оказался на крыше гаража, а ещё через две – на другой стороне...

– Эй, – позвали его лениво. На самом деле, ни у кого не было желания всерьёз заниматься невесть откуда взявшимся придурком, и погони не было – Юозас понял это через пару кварталов, позволив себе отдышаться. Никому не было до него дела.

Выбравшись за пределы городка и вновь оказавшись в лесу, он сделал несколько глубоких вдохов и задумался, оглянувшись назад на события последних недель.

День проходил за днём, но выхода для себя Юозас не видел. Остававшиеся у него деньги, как он ни старался их экономить, стремительно таяли – тратить на питание меньше пятидесяти копеек в сутки не удавалось при всём желании. Хотя вчера он купил в сельмаге полбуханки чёрного хлеба за десять копеек и запил ледяной водой из придорожной колонки. Но долго так не протянуть...

Тупик.

Значит, пора заканчивать – или принимать решение.

Но это решение должно быть таким, чтобы враги не смогли его распознать.

Оно должно быть нестандартным.

...От милиции-то убежать можно.

Даже от ЦРУ, наверное, можно убежать. Или хотя бы попытаться.

А от себя?..

* * *

Год 1991. Март

Наступал вечер пятницы, и улицы пустели. Пустели независимо даже от алкоголиков, отмечавших окончание рабочей недели.

Под свежими весенними звёздами таял снег.

В нежных сумерках зажигался свет за разноцветными абажурами.

Юлька с детства любила сидеть вечером на лавочке в одиночестве, вдыхать прохладный воздух ранней весны и смотреть, как зажигаются окна, угадывать, каким цветом загорится следующее окно, и складывать мысленные фигуры из их светящихся квадратов. «Почти как в песне про московские окна, которую пела Гурченко».

Люди торопились по домам, чтобы успеть к передаче «Поле чудес», и десятки миллионов людей приникали к экранам телевизоров, с замиранием сердца ожидая, угадает ли очередной участник счастливую букву.

И снова блистательный Владислав Листьев крутил барабан, за которым следили, затаив дыхание, миллионы, забывшие о простой истине из детской сказки – о том, где именно находится поле чудес...

А за пятницей наступало воскресенье.

В воскресенье, семнадцатого марта, на рассвете открылись избирательные участки исторического референдума о сохранении СССР.

С раннего утра от подъездов к школам, где располагались избирательные участки, шли люди, в основном, нарядные и с детьми.

Шли по дорожке семьи Ермишиных и Зайцевых.

Зайцевы шли в полном составе – глава семьи Николай, его жена Ольга, не голосовавшая ещё дочь Юлия и сын Артём, которому только предстояло этой осенью идти в первый класс.

Рядом с ними гордо, сжав губы вышагивала – именно вышагивала, как на параде, соседка Матрёна Петровна Ермишина, и вместе с ней тянулась Анна, которой также право голоса ещё не полагалось – ей, как и Юлии, было всего семнадцать лет.

Конечно, имей Анна Ермишина право голоса, она проголосовала бы против – зачем нам кормить всех этих чурок-турок, вот освободимся от них и тогда-то заживём... Впрочем, Аню, в отличие от подруги, не так беспокоило её несовершеннолетие и отсутствие избирательного права – она считала, что в жизни юной девушки есть множество вещей поинтересней политики.

Юлька же, наоборот, бегала за отцом на редкие ещё и удивительные собрания против набиравших силу демократов, а о модных массовых митингах протеста против КПСС отзывалась с презрением, зло и ехидно. Она взахлёб зачитывалась газетами, упоминать о которых

было бы непристойно в «приличном» обществе – «День», «Молнию», «Пульс Тушина». В её душе болезненно саднила невозможность участия в референдуме, невозможность в этот решающий для страны час высказать хотя бы таким образом своё мнение. Ане этого было не понять, она считала Юлины увлечения несвоевременной глупостью. Аня не разбиралась в политических деталях, ей было важнее мнение окружающего её в школе и на улице большинства, стоявшего на демократических позициях.

Отстояв очередь, Николай, Ольга и Матрёна Петровна получили бюллетени, за чем дети наблюдали с нескрываемым интересом. Затем они зашли в кабинки, поставили галочки за СССР – Николаю Зайцеву еле удалось это сделать, не промахнувшись, из-за повисшего на руке Артёмки – и с достоинством опустили в урны бюллетени.

– А теперь – в буфет! – обрадовался Артём, берясь за руки выполнивших гражданский долг родителей.

В тот же час Фёдора Ермишина конвоир вывел из камеры в коридор, где стояли избирательные урны. Фёдор ещё не был осуждён – следствие по делу о взрыве поездов растянулось на два долгих года, и не было видно ему конца-края – а потому имел право голоса на референдуме. Привычно держа, как положено, руки за спиной, он вышел, по команде конвоира подошёл к столу комиссии, встряхнул освобождённые ладони, взял бюллетень и, поставив галочку за сохранение Союза, опустил его в урну.

Антон Стригунков голосовал за сохранение Союза в уральском городке, где после увольнения из органов работал преподавателем в областном юридическом вузе. Голосовал буднично, скромно, придя в воскресенье на участок и опустив бюллетень, будто бы не замечая значения этого дня.

Марта Жемайте проголосовать не смогла, хотя ей уже исполнилось восемнадцать лет – в её республике этого не позволили националисты, захватившие власть без оглядки на формальное волеизъявление. Наверное, более мужественные люди пришли в тот день в советские воинские части, чтобы отдать Родине один из сотен миллионов голосов – но ни Эмилия Турмане, ни Марта Жемайте не готовились к подвигу ради волеизъявления, это были простые женщины, дай им участок и бюллетень – они бы, конечно, проголосовали за СССР, ну а на нет и суда нет...

И было утро, и был следующий день, и люди искренне радовались, как дети, слыша про семьдесят семь процентов проголосовавших за Союз...

* * *

Через несколько недель, когда уже сошёл снег и дышала теплом чёрная апрельская земля, Юлька случайно подслушала во дворе разговор Матрёны Петровны с незнакомой ей беременной женщиной, которая, эмоционально жестикулируя, что-то долго объясняла соседке.

Беседа происходила на лавочке возле подъезда, и, увидев их из окна и почуяв, что говорят они о чём-то важном и серьёзном, что Юльки, конечно, не касалось, влекомая девчачьим любопытством, она, опершись одной ногой на крышку мусоропровода между первым и вторым этажами, забралась на козырёк подъезда.

– И что мне теперь прикажете делать, Матрёна Петровна? – возмущалась незнакомка, и крупные золотые серьги покачивались в такт её жестикуляции.

– У тебя родители под Саратовом живы-здоровы, – отвечала Матрёна, – да ты и сама там прописана. Нечего строить из себя сироту казанскую. Причём тут моя квартира к твоим гулянкам?

– В дере-евню? – презрительно морщила нос собеседница. – В колхо-оз? С какой стати? Тут не только Ваша квартира, тут квартира моего мужа, если хотите знать!

«Это же Анькина мать», – догадалась Юля.

– Вовремя же ты спохватилась, – зло усмехнулась Матрёна. – Пока со своим Мурадом жила, ты о муже не вспоминала, а как указали тебе на дверь, так вспомнила... Поинтересовалась бы хоть, где твой муж...

– А где он? – спросила Наталья, слегка снизив тон.

– В уфимской тюрьме, – ответила старуха, как показалось Юле, с какой-то усталостью в голосе, – в июне два года будет. Могла бы и прежде справиться, чем являться с претензиями на квартиру.

– А... а что же случилось, Матрёна Петровна? – тихо спросила изумлённая женщина, с которой сразу слетел весь апломб. – Надолго его?

– Тебе какая разница? – спросила Матрёна, к которой вернулась привычная строгость, и, помолчав, добавила, – преступная халатность. По ошибке Фёдора произошёл взрыв на газопроводе, и сгорели два пассажирских поезда – может быть, слышала в новостях про этот случай. Шестьсот человек погибло. Суда не было ещё, до сих пор расследуют. Надолго ли, нет, не знаем пока, – она вздохнула, – а он про тебя в письмах спрашивал, между прочим. Я ему ничего не писала. Что я ему напишу? Что забыла твоя жена о муже и с чеченским хахалем развлекается?..

Наталья всхлипнула и смахнула с лица слезу.

– У меня ж ребёнок будет, Матрёна Петровна, – произнесла она жалобно.

– От чеченца? – спросила старуха.

Наталья молча кивнула, встряхнув блестящими серёжками.

– Значит, своё дитя не пожалел?

– Я ж думала, что Мурад меня любит, – Наталья вновь зашмыгала носом, – он жениться обещал... А как начали русских гнать вон, так и он... Ты мне не жена, говорит, а гулящая... И иди из моего дома, чтобы глаза мои не видели, а женюсь я только на чеченке...

– Нагулялся, значит, – поджала губы Матрёна, – ты и про старого мужа вспомнила. Может, для чего и сгодится... Ладно уж, переночуешь, и бери билет, езжай к матери. А Фёдору в тюрьму напиши. Если он за всё тебя простит и примет – это уж ему решать, не мне...

– Матрёна Петровна, – Наталья вдруг перешла почти на шёпот, и за шумом улицы Юле её было почти не слышно, она с трудом угадывала слова, – послушайте, я ж не с пустыми руками из Грозного приехала, – она торопливо расстегнула сумочку, и Юля придвинулась поближе к краю козырька, чтобы видеть, что она показывает старухе. Открыв резную шкатулку, Наталья перебирала длинными пальцами кольца, серьги, ожерелья. Под лучами солнца переливались в её руках извлечённые из темноты драгоценные камни. Девушка не разбиралась в украшениях, но ей стало не по себе, как будто это она, комсомолка Юлия Зайцева, влезла без спроса в чужой сундук...

– Что это такое? – строго спросила Матрёна.

– Бриллианты, – ответила Наталья, – они все настоящие. Изумруды тоже настоящие. И золото, серебро, и все камни. Это матери Мурада фамильная шкатулка, я, когда собирала вещи...

Она не договорила, осекшись.

– Прочь отсюда, – произнесла Матрёна, лица которой в этот момент Юлька не видела – она сидела спиной к козырьку. – Прочь и не смей здесь появляться. Я тебя чуть было не пожалела, думала, ты просто... – она произнесла слово, которого Юлька ни разу не слышала из её уст и какое даже мужики стеснялись при женщинах произносить, – а оказалось, я чуть было не пустила в свой дом воровку. Убирайся, знать тебя не хочу, – Матрёна резко поднялась со скамьи и, не попрощавшись, двинулась к подъезду. Юля подумала, что если старуха сейчас будет подниматься по лестнице, то точно её увидит, но та остановилась на первом этаже, и через секунду послышался звук идущего вниз лифта. Дождавшись, когда лифт уедет, она начала потихоньку спускаться из своего укрытия на лестничную площадку.

* * *

Год 1991. Лето

Всё лето Анна Ермишина просидела над учебниками, лишь изредка выглядывая на улицу. В июне шумно отгремел выпускной вечер, хотя с погодой выпускникам в тот год не повезло – с середины месяца зарядили непрерывные дожди.

К августу вчерашние школьники, окончившие одиннадцатый, как теперь непривычно назывался десятый, класс, готовились к вступительным экзаменам.

Юлька, собиравшаяся в технический вуз по стопам отца, штудировала математику и физику. Аня же готовилась поступать на специальность «экономика» – это было модно и сулило большие заработки.

Когда старания её были вознаграждены, экзамены наконец сданы, и Аня увидела свою фамилию в списках поступивших, сил не оставалось уже ни на что.

Вернувшись домой, девушка рухнула на кровать и проспала почти половину следующего дня. Проснувшись с блаженным чувством отсутствия необходимости куда-то бежать, она выбралась из-под одеяла, босиком прошлёпала к телевизору и щёлкнула переключателем.

Но по всем каналам показывали только балет «Лебединое озеро», в телепрограмме не значившийся.

«Что за ерунда», – подумала Аня, выключила телевизор и начала медленно одеваться.

Минут через пятнадцать в дверь квартиры позвонили, и, выглянув, она увидела Иру и Катю, девчонок из соседнего подъезда, с которыми училась в школе.

– Анька! – закричали они наперебой. – Ермишина! Ты что дрыхнешь? Айда с нами к Белому дому, весь наш класс уже там!

– А что случилось-то? – захлопала ресницами Аня.

– Ты что, не в курсе? Ну ты даёшь! В Москве путч, коммуняки хотят вернуть совок, Ельцин всех призвал к Белому дому. Там вся Москва собирается! Там такая тусовка!

– А вы-то откуда знаете? – спросила девушка.

– Да все уже знают! Короче, едем с нами, по дороге расскажем!

Аня на ходу засовывала ноги в туфли.

– За Юлькой Зайцевой зайдём? – предложила она. – В соседнюю квартиру?

– Да ну её, твою Зайцеву, она зануда, – на ходу бросила Ира.

Аня всё же позвонила в соседнюю дверь. Какое-то время никто не открывал, потом дверь отворилась, удерживаемая металлической цепочкой, и оттуда показалась курносая вихрастая голова Тёмки.

– Если ты за Юлей, то она не выйдет, – безапелляционно заявил мальчик.

– Почему? – спросила Аня.

– Не выйдет и всё, – ответил Артём. – Она заперлась у себя в комнате со своими книгами.

– Я ж говорю, зануда, – сказала Ира.

...Толпа в метро гудела и шумела – все обсуждали путч и обращение ГКЧП. Вагоны в сторону центра шли переполненные, как в рабочий день. У какого-то парня на коленях стоял магнитофон на батарейках, откуда на полную мощность, порой заглушая шум поезда, надрывался Олег Газманов про есаула, который бросил коня.

Давка возникла уже на подходе к эскалатору, и людской водоворот оторвал Аню от подружек. Встав на ступеньку, она ещё видела их – метрах в десяти-пятнадцати впереди себя.

– Подождите меня наверху! – крикнула она, пытаясь высвободить руку и помахать ею девчонкам.

– Подождём! – до Ани ещё донесло Иркин голос, и толпа окончательно отёрла их друг от друга.

Вынесенная потоком из метро на поверхность, Аня вначале пыталась сориентироваться, но потом оставила эти попытки – двигаться всё равно было можно только по течению. К счастью, ей удалось выбраться на обочину, здесь толпа была не столь плотной.

...На гранитном парапете подземного перехода стояли двое молодых людей в кожаных куртках. одному из них на вид было лет двадцать пять, другому – за тридцать.

– Как тебе вон та кукла? – негромко спросил младший, выхватывая Аню из толпы цепким взглядом. – По-моему, подходящая модель будет, а?

– Ничего краля, – причмокнув, кивнул второй. – Ты её знаешь, что ли?

– Проблем-то, – хмыкнул первый. – Сейчас познакомимся.

Он легко спрыгнул с парапета, раздвигая толпу сильными локтями, смёл в неровный букет цветы с ближайшей клумбы и в несколько прыжков оказался перед Аней.

– Девушка! – выдохнул он, театрально падая на колени. – Позвольте с Вами познакомиться! Как Вас зовут?

От неожиданности Аня подалась назад.

– Девушка, я Вас умоляю! – страстно продолжал внезапный поклонник. – Я сейчас увидел Вас и понял, что Вы – моя любовь на всю жизнь! Вы же верите в любовь с первого взгляда? Скажите, как Вас зовут?

– Аня... – пробормотала она, сражённая такой напористостью. – Встаньте, пожалуйста...

– Нет!.. Не встану!.. Анечка, Вы разбили мне сердце! Прошу Вас, возьмите эти цветы в знак вечной любви! Анечка, если Вы мне откажете, я прямо сейчас вот с этой набережной прыгну в реку, моя жизнь без Вас больше не имеет смысла... Вы разрешите мне быть Вашим верным рыцарем, следовать за Вами, целовать Ваши ноги? – склонившись, он припал губами к туфле девушки.

– Нет-нет, не надо в реку, – испугалась Аня, неуверенно беря в руку цветы, – да Вы встаньте же, встаньте, люди смотрят. Хорошо, пойдёмте вместе, если хотите. А Вас как зовут?

– Максим, – представился он, обнажая в улыбке сверкающие белые зубы. – Но лучше просто Макс и на «ты».

Глава шестая

Квартира, в которой оказалась Анна Ермишина во второй половине дня 19 августа 1991 года, не была похожа ни на что из того, что ей приходилось видеть прежде. Максим жил в доме постройки пятидесятых годов двадцатого века, почти в центре Москвы, но на значительном удалении от метро. Из окна открывалась широкая панорама города. Багровое солнце медленно скрывалось за корпусами индустриальной эпохи. В закатное небо впивались окаменевшие шпили сталинских высоток – в ясную погоду из окна комнаты их было видно три штуки, а в облачную – две.

Но не вид из окна поразил Анну больше всего. Самая просторная комната с высоким потолком была оборудована под студию, заполнена различной осветительной и съёмочной техникой. Один фотоаппарат напоминал ей ателье, где она фотографировалась в прошлом году на паспорт, о назначении других приборов девушка могла лишь смутно догадываться. На тумбочке у стены стоял настоящий японский видеомагнитофон – мечта подростков, и Анна отметила, что «видак» в квартире не единственный. А вот это, наверное, музыкальный центр – такой она видела только в «Поле чудес», когда разыгрывали суперпризы.

– Впечатляет? – спросил Макс.

Он громко откупорил бутылку шампанского, пробка «выстрелила» в движущиеся цветные пятна потолка, и пенящаяся жидкость полилась по рюмкам.

– За знакомство! – торжественно произнёс он тост. – До дна!

Аня уже знала, что его родители, которые сейчас в командировке, работают операторами на «Мосфильме», что их работа связана с частыми выездами за рубеж, что есть возможность привозить оттуда вещи и технику. Конечно, занимаются они и подработками, и даже – он понизил голос, как будто кто-то мог подслушивать в квартире, где они находились вдвоём – участвовали в политике и оказывали услуги диссидентскому движению, как в плане профессиональной съёмки, так и если требовалось что-то привезти из-за границы...

Так он рассказывал, Анна увлечённо слушала, а по потолку плясали сине-красные отблески цветомузыки.

– Ох, да что ж я болтаю! – Макс наигранно хлопнул себя ладонью по лбу, – я же тебе самое интересное не показал! Давай поспорим, что ты никогда такого не видела!

– А на что поспорим? – спросила Аня.

– На поцелуй, конечно! Если я выиграю, ты меня поцелуешь.

– А если я?

– Тогда я тебя! – резонно ответил Макс.

– Ну хорошо, – секунду поколебавшись, согласилась девушка.

Он извлёк из шкафа небольшую чёрную коробочку с ничего не говорившей Ане надписью «Polaroid».

– Ты про мгновенное фото когда-нибудь слышала?

– Мгновенное – это как? – не поняла Аня. Она, конечно, знала, что после съёмки плёнку надо проявлять, а потом печатать снимки – знакомые мальчишки занимались этим, возясь с реактивами в тёмной ванной...

– Улыбочку! – парень навёл камеру на Аню, приблизил, его ловкие пальцы нажали какие-то кнопки, аппарат некоторое время скрипел и жужжал и наконец выплюнул квадрат матовой плотной бумаги. Аня потянулась к нему, но Макс остановил её руку, – Осторожно! – и бережно взялся за край. – Подожди пару минут.

Практически на Аниных глазах на матовой карточке начал проступать силуэт её лица, шеи, плеч, затем глаза, губы, волосы, воротничок – и минут через пять в руке у Макса была полноценная цветная фотография.

– Держи! – протянул он ей, – теперь можно трогать руками. А с тебя обещанное!
Анна неуверенно подошла к нему, он взял её руки в свои, и, закрыв глаза, она неумело прильнула губами к его губам и тут же отпрянула.

С полминуты они сидели на диване молча.

– Может, фильм посмотрим? – предложил Макс так же непринуждённо, открывая очередную дверцу. – Выбирай!

Анины глаза побежали по полкам, от пола до потолка заставленным видеокассетами.

Она обратила внимание, что нижняя полка была занята одинаковыми кассетами с заголовком «Эммануэль».

Но такого фильма Аня не знала и выбрала «Анжелику – маркизу ангелов» с Мишель Мерсье в главной роли – об этом фильме она слышала от Ирки и других девчонок.

Максим включил видеомэгаффон. Пока на экране шли титры, он задёрнул жалюзи, произвёл ещё какие-то манипуляции с аппаратурой, погасил яркую люстру и зажёл романтическую сиреневатую подсветку, сел на диван рядом с уставившейся в экран Анной, обнял её за плечи и не торопясь, привычным движением расстегнул верхнюю пуговицу блузки.

* * *

Год 1943. Декабрь.

Не замёрзшая ещё в начале зимы река Припять медленно несла свои мутные серо-зелёные воды к Днепру мимо никому ещё не известного городка.

Высокий обрыв почти нависал над берегом, и падал снег на платок Алёны Панченко, и снег не таял, и уже лежал на травах, на крышах уцелевших домов, но льда на реке ещё не было.

Алёна обнимала за плечи беззвучно плачущую девушку младше себя, без верхней одежды, в одной гимнастёрке, с партизанской медалью на груди.

– Рассказывай, пожалуйста, рассказывай, – шептала она сквозь слёзы.

– Я же тебе всё рассказала, Матрёночка, – тихо отвечала она. – может быть, не надо...

– Всё равно рассказывай, – настаивала сквозь слёзы Матрёнка, – рассказывай, пожалуйста... Я его просто... просто люблю, – язык отказывался произносить слово «любила», как сердце отказывалось принимать жестокую правду.

Алёна вздохнула.

– Хорошо, – с трудом начала она, – ты же знаешь, это случилось через неделю после праздника Октябрьской Революции, за четыре дня до того как наши освободили Чернобыль...

Матрёнка оторвалась от Алёниной груди и подняла покрасневшие глаза на временный деревянный памятник со звездой и табличкой.

«На этом месте в ноябре 1943 года казнён немецко-фашистскими захватчиками советский патриот Черняев В.М.»

В этот момент ей безумно хотелось только одного – чтобы надпись заканчивалась иначе:

«...советские патриоты Черняев В.М. и Ермашина М.П.»

Но это было невозможно.

А впереди была долгая-долгая жизнь.

Жизнь, в которой будут ещё десятки лет, но больше никто и никогда не назовёт её Незабудкой.

Серая незамёрзшая Припять лениво плескалась внизу.

* * *

Жёлтое утреннее такси катилось по напряжённому городу, по молчаливым рассветным улицам, по камням, словно знавшим то, чего не знали люди – как ночевавшие на баррикадах, так и разошедшиеся на ночь по домам.

Но Анна, смотревшая на московский рассвет из окна жёлтой «Волги» с «шашечками», не чувствовала ни беды, ни исторического значения этих дней. Она была просто счастлива.

Машина затормозила около знакомой с детства автобусной остановки, и из неё вышли двое. Максим галантно приоткрыл подруге дверцу и подал руку.

– До завтра, любимая, – он поцеловал девушку на прощание и сел обратно в машину.

Аня проводила взглядом скрывшееся за поворотом такси и направилась к дому.

Но прямо возле подъезда она столкнулась с Ирккой и Катькой.

– Анька, ты всё пропустила! – чуть не кричала, несмотря на семь утра, взбудораженная Ирка, – там в центре прямо сейчас свержают совок! Строят баррикады! Мы там всю ночь проторчали! Ельцин выступал – такой красавец! А пацаны! – она причмокнула пухлыми губками, хитро прищуривав один глаз. – Ты бы только посмотрела! Женихов хоть отбавляй...

– Ир, я, кажется, уже нашла сегодня своё счастье, – простодушно ответила Аня в ответ на изливания одноклассницы.

– Да ну? – удивилась Ира.

– Его зовут Максим, – пояснила Аня, – я с ним вчера познакомилась на Арбате. И... ну, в общем, я у него сегодня ночевала.

– Да ну! – понизив голос, воскликнула подружка. – Ну ты, Ань, даёшь! Правда, что ли? Здорово... А то в школе была такая скромная, скромная...

Аня надеялась проскользнуть к себе в комнату до того, как проснётся старуха, но ей это не удалось. Матрёна Петровна уже хлопотала на кухне, когда девушка, стараясь не шуметь, открыла дверь квартиры своим ключом.

Повернув голову, Матрёна смерила Аню презрительным взглядом – с головы до ног.

– Вся в мамашу пошла, – произнесла она особенно скрипучим голосом и отвернулась.

И больше она ничего не сказала.

* * *

На мусорных баках возле здания райкома КПСС в уральском городке второй день красовались ядовито-яркие буквы: «Для использованных партбилетов».

Преподаватель высшей школы Антон Стригунков, увидев надпись, брезгливо поморщился, словно от неприятного запаха, отошёл в сторону и зажёл очередную сигарету.

Он курил одну за одной – с самого утра. Курил и думал.

От Антона требовало немалого мужества признать свою ошибку – почти два года он искал себе оправдания, подсознательно понимая собственные истинные мотивы, и вот сегодня, двадцать второго августа, он наконец сознался самому себе, что его рапорт об отставке, с облегчением принятый начальством, которому надоело стремление Антона докопаться до правды, его рапорт был трусостью и непростительным малодушием.

Да, так было. Вроде бы недавно, в восемьдесят девятом, а сколько воды утекло.

Будь он на службе... Может быть, ему удалось бы что-то сделать. А может, и нет. Но что сделано, то сделано – он пожелал остаться чистеньким, покинув службу и уйдя на «гражданку».

Он таким и остался, не сумев помочь и не предприняв усилий для помощи ни Родине, ни своему другу Фёдору Ермишину, суд над которым начнётся, наверное, этой зимой или весной.

Но, может быть, ещё не поздно?

Спасать страну – поздно. А друга?

Стригунков бросил под ноги окурок с дотлевающим огоньком, придавил его каблуком ботинка и тут же полез в карман за новой сигаретой.

Надо что-то делать. Что-то надо делать. Хотя возможностей меньше, но этот выбор он сделал сам.

Поздно.

А если...

Мысль, внезапно шевельнувшаяся в голове Антона, поразила его своей простотой.

Как же он мог не заметить обстоятельств, лежащих на поверхности?

Ведь у Фёдора была официальная жена – как бы у них ни сложились отношения – кто мешает Антону её найти?

Как же её звали? Кажется, Наташа. Да, Наташа Ермишина.

* * *

Все дни августовских событий Юлька Зайцева пролежала ничком на кровати, закрывшись у себя в комнате.

В первый день она верила, что против разбушевавшихся демократов будет организовано хоть что-то, и ждала сигнала, как ждали многие.

Но сигнала не было.

Юлька лежала ничком, локтями в подушку, и читала любимые книги про войну.

А когда поняла, что ничего организовано не будет, достала с полки сложенную июльскую ещё газету «Советская Россия», и редкие слезинки покатались на, казалось, до дыр зачитанный текст...

Год 1991. Слово к Народу.

«Дорогие россияне!

Граждане СССР!

Соотечественники!

Случилось огромное, небывалое горе.

Родина, страна наша, государство великое, данное нам в сбережение историей, природой, славными предками, гибнут, ломаются, погружаются во тьму и небытие. И эта погибель происходит при нашем молчании, попустительстве и согласии.

Неужели окаменели наши сердца и души и нет ни в ком из нас мощи, отваги, любви к Отечеству, что двигала нашими дедами и отцами, положившими жизнь за Родину на полях брани и в мрачных застенках, в великих трудах и борениях, сложившими из молитв, тягот и откровений державу, для коих Родина, государство были высшими святынями жизни?

Что с нами сделалось, братья?

Почему лукавые и велеречивые властители, умные и хитрые отступники, жадные и богатые стяжатели, издеваясь над нами, глумясь над нашими верованиями, пользуясь нашей наивностью, захватили власть, растаскивают богатства, отнимают у народа дома, заводы и земли, режут на части страну, ссорят нас и морочат, отлучают от прошлого, отстраняют от будущего – обрекают на жалкое прозябание в рабстве и подчинении у несильных соседей?

Как случилось, что мы на своих оглушающих митингах, в своем раздражении и нетерпении, истосковавшись по переменам, желая для страны процветания, допустили к власти нелюбящих эту страну, раболепствующих перед заморскими покровителями, там за морем, ищущих совета и благословения?

Братья, поздно мы просыпаемся, поздно замечаем беду, когда дом наш уже горит с четырех углов, когда тушить его приходится не водой, а своими слезами и кровью. Неужели допу-

стим вторично за этот век гражданский раздор и войну, снова кинем себя в жестокие, не нами запущенные жернова, где перетрутся кости народа, переломится стеновой хребет России?

Обращаемся к вам со словами предельной ответственности, обращаемся к представителям всех профессий и сословий, всех идеологий и верований, всех партий и движений, для коих различия наши – ничто перед общей бедой и болью, перед общей любовью к Родине, которую видим единой, неделимой, сплотившей братские народы в могучее государство, без которого нет нам бытия под солнцем.

Очнемся, опомнимся, встанем и стар, и млад за страну.

Скажем «Нет!» губителям и захватчикам.

Положим предел нашему отступлению на последнем рубеже сопротивления.

Мы начинаем всенародное движение, призывая в наши ряды тех, кто распознал страшную напасть, случившуюся со страной.

Мы зовем к себе рабочий люд, которому нынешние фарисеи обещали изобилие и заработки, а теперь изгоняют с заводов и шахт, обрекают на голод, бесправие, на унылое стояние в очередях за пособием, ломтем хлеба, за милостыней богачей и хозяев.

Мы зовем к себе трудолюбивых крестьян, измотанных невежественной властью, чьи нынешние судьбы решают вчерашние разрушители деревень и творцы утопических программ, навязывая хлебоборобу кабальный обмен, обрекая на запустение пашню, на истребление уцелевших, кормящих страну хозяйств.

Мы взываем к инженерам, чьими руками, умом и талантом была создана уникальная техническая цивилизация, мощная индустрия, обеспечившие благополучие и защиту народа, позволившие Родине взлететь в космос. Техника, которая, устав работать, нуждалась в модернизации и обновлении, за шесть лет безделья и разглагольствований остановилась и рухнула, и теперь мы – страна остановленных предприятий, умолкнувшей энергетики, исчезнувших товаров, растерянных обнищавших инженеров, отлученных от творчества.

Мы взываем к ученым, достойно продвигавшим развитие отечественной науки, изумлявшим мир плодами своих трудов, накопившим в лабораториях и институтах открытия для следующего рывка в двадцать первый век, где мы надеялись на достойное место в человеческой цивилизации. Вместо этого демагоги и злоумышленники разоряют драгоценные накопления, рассыпают коллективы исследователей, закрывают научные направления, вбивают тромбы в развитие космических исследований, ядерных технологий, новейшей химии, обрекая лучшие умы на прозябание, на бегство из родных пределов в преуспевающие страны, где их талант станет питать не свое, а чужое развитие.

Мы устремляем свой голос к Армии, снискавшей уважение человечества за самоотверженный подвиг спасения Европы от гитлеровской чумы, к Армии, унаследовавшей лучшие качества русского, советского воинства и противостоящей агрессивным силам. Нелегкие времена переживают наши славные защитники. Не вина Армии, что она вынуждена поспешно покидать зарубежные гарнизоны, быть объектом беспардонных политических спекуляций, подвергаться постоянным атакам лжи и очернительства безответственных политиканов. Но никому не удастся превратить Вооруженные Силы в аморфную массу, разложить изнутри, предать осквернению. Мы убеждены, что воины Армии и Флота, верные своему святому долгу, не допустят братоубийственной войны, разрушения Отечества, выступят надежным гарантом безопасности и оплотом всех здоровых сил общества.

Мы устремляем свой голос к художникам и писателям, по крохам создававшим культуру на развалинах разгромленной классики, добывавшим для народа образы красоты и добра, оживившим в будущем расцвета искусств, а обретших нищету, низведение творчества до жалкого фарса на потеху коммерсантов и богачей, когда народ, отлученный от духа, лишенный идеала, управляемый безнравственными лукавцами, выводится из истории, превращается в дешевую рабочую силу для иноземных фабрикантов...»

* * *

В середине лета 1989 года в центральном универмаге Харькова случилось на первый взгляд рядовое происшествие. Безработный, ранее не судимый двадцатидвухлетний уроженец Скуодасского района Литовской ССР разбил витрину и попытался похитить золотые ювелирные украшения. Произошло это среди бела дня, на глазах у всей очереди в один из отделов, и вора задержали на месте преступления. Сопротивления он не оказал, казалось, наоборот, встретил арест с чувством непонятного облегчения, как будто сам хотел оказаться за решёткой. Такое поведение бывает характерно для представителей криминального мира, которым это бывает нужно исходя из своих соображений, но парень совершил преступление впервые. Если бы случай в универмаге попал в поле зрения опытных следователей, это обстоятельство, вместе с тем, что кража была явно демонстративной, насторожило бы их, но, ввиду незначительности, инцидентом занималось районное отделение милиции, где никому не было дела до тонких психологических аспектов.

Литовца судили по законам УССР и приговорили к трём годам лишения свободы. Приговор он воспринял спокойно, обжаловать не стал и был направлен отбывать срок в Донецкую область, дробить камень.

На свободу Юозас выйдет в 1992 году уже гражданином независимой Украины, чего он, конечно, знать не мог. Он мог только надеяться, что за это время череда событий заслонит в памяти людей крупнейшую в СССР железнодорожную катастрофу, что она постепенно уйдёт в прошлое и что те, кому поручена ликвидация исполнителей, может быть, забудут о существовании на Земле Юозаса Турманиса.

Может быть.

Глава седьмая

Когда Арнольду Келлеру исполнилось двадцать лет, в его маленькой квартирке на окраине Вашингтона появился весьма странный гость из далёкой Аргентины.

Это был не старый ещё мужчина, как говорили недавно, арийской внешности, опиравшийся на трость. Фамилия его была Гонсалес, однако обратился он к Арнольду на его родном немецком языке, без акцента или ошибок.

– Я чрезвычайно рад, что отыскал тебя, мой мальчик, – радушно приветствовал он настожившегося Келлера. – Я привёз для тебя подарок, надеюсь, ты его оценишь.

С этими словами он передал молодому человеку две толстые тетради в кожаном переплёте.

– Это записи твоего отца, Арни, – пояснил аргентинец. – В своё время он доверил их мне, ну а разыскать тебя мне удалось только сейчас, разбросала нас судьба в сорок пятом...

Пролистнув страницы, Арнольд убедился, что тетради действительно исписаны почерком покойного оберштурмбаннфюрера.

– Ты совсем не помнишь дядю Генриха? – поинтересовался гость.

Арни напрягал память, но увы – безрезультатно.

– Впрочем, это неудивительно, – продолжал Гонсалес, – в последний раз я был у вас дома, если мне не изменяет память, в начале тридцать шестого года, ты тогда ещё был совсем ребёнком...

– Да, мне было четыре года, – кивнул Арнольд.

– Эх, – мечтательно произнёс гость, опускаясь на краешек стула, – какие были времена... Что ж, что я должен был передать – я тебе передал, давай теперь выпьем, что ли, Арни? Тёмное пиво у тебя найдётся?

– Найдётся, дядя Генрих, – ответил молодой Келлер.

Выпив пива, гость стал весёлым и разговорчивым. Устроившись в единственном кресле, он пространно рассуждал о судьбах мира, о том, как несправедливо обошлась с ним судьба, что он вынужден прозябать под чужим именем в Южном полушарии...

«Некоторым повезло ещё меньше», – подумал Арнольд.

– А тебе повезло, – проговорил Генрих, глядя на него, – ты неплохо устроился, я думаю, твой отец мог бы тобой гордиться.

– Мой отец был убеждённым национал-социалистом, – холодно возразил Арнольд.

– И что? – поднявшись с кресла, визитёр перехватил стакан левой рукой и правой панибратски похлопал его по плечу, – ты думаешь, он был бы недоволен тем, что ты устроился у англосаксов? Вздор! Чепуха, мой мальчик! Многие старые национал-социалисты были бы счастливы получить местечко в Штатах, и в этом нет ничего противного нашей идеологии. Тебе уже двадцать лет, и ты мог бы понимать, что наш главный враг – это русские, а в какую обёртку завернуть...

– Я это понимаю, – коротко ответил Келлер.

* * *

На третий день мать послала Юльку в булочную и в аптеку.

Она вышла на улицу с авоськой в руке и зашагала по тротуару, как по захваченному городу, подняв голову, сжав губы и ничего не видя перед собой.

Так же механически она отстаивала очередь, не вникая в разговоры людей, протягивала деньги кассирше, брала хлеб и уходила.

Вроде бы ничего вокруг не изменилось – и в то же время стало другим, чужим и враждебным, не таким, как было ещё неделю назад.

Опустив батон в сетку, она прошла по улице и не заметила, как оказалась в своём дворе.

– Привет! – махнула ей рукой радостная Аня.

– Привет, – автоматически кивнула Юля.

– Ты что такая грустная? – Ане словно не терпелось поделиться своим счастьем.

– Зато ты весёлая, – ответила подруга.

– Я думала, ты за меня порадуешься! – протянула Аня с оттенком разочарования.

– Порадуюсь? Чему? – Юля передёрнула плечами. – Тому, что ты нашла богатенького хахаля? Что он тебя поматросит и бросит? Порадоваться?

– Не смей! – Аня вспыхнула. – Я Максима люблю, и он меня любит! И мы поженимся! А ты... ты просто завидуешь, вот что! – выпалила она.

– Я? Завидую? Тебе? – переспросила Юлька, и её голос, несмотря на презрительную интонацию, прозвучал звонко и чётко, словно она отвечала у доски на экзамене. – Я думала, ты умнее, Ермашина.

Она резко развернулась на пятках, как будто на каблуках, которых не носила, и направилась к подъезду.

«Ты меня дурой считаешь? Вот увидишь, мы поженимся!» – хотела крикнуть Аня ей вслед, но слова застыли на губах, и она, ничего не сказав, пошла в сторону остановки.

На скамейке напротив подъезда Юля увидела сгорбленную фигуру отца. Николай Зайцев сидел на скамейке в непривычной позе, склонившись к столику.

– Папа, тебе плохо? Что-то случилось? – девушка мгновенно оказалась рядом с ним.

Николай медленно покачал головой.

– Иди домой, дочка, – проговорил он, – иди домой, я позже приду...

«Он же пьян», – сообразила Юлька. Она ни разу не видела отца пьяным во дворе.

– Иди домой, – повторил Зайцев, поднимаясь, и от него резко пахло перегаром.

– Хорошо, я пойду, – ответила дочь и сделала шаг в сторону, нечаянно задев ногой пустую «чекушку», которая со звоном покатила под колёса стоящих машин.

* * *

Толпа, заполонившая Лубянскую площадь, кипела и бурлила, свистела и улюлюкала. Наиболее резвые из толпы пытались запрыгнуть на памятник Дзержинскому и раскатать статую вручную, не дожидаясь обещанного крана. Максим, пожалуй, и сам бы присоединился к ним, если бы у него была необходимость произвести впечатление на какую-нибудь девушку – но свеженькую девушку он удачно подцепил ещё три дня назад, отличная модель получилась, её ещё снимать и снимать во всех ракурсах, да и сама стоявшая рядом с ним Аня вцепилась в него мёртвой хваткой в прямом смысле – боясь потеряться в толпе. Уж если она среди бела дня тогда отстала от своих девчонок, то в темноте потеряться – раз плюнуть, думала Аня, ухватившись за локоть возлюбленного. Хотя Ирка с Катькой, скорее всего, были где-то здесь, по крайней мере собирались, но искать их при таком столпотворении бесполезно...

Плотность толпы нарастала, ближе к центру площади уже было невозможно пошевелиться, не то что выбраться к метро. Только бы не затащили к центру, подумал Макс, а то ещё, не дай бог, задавят. Ну да раз уж девятнадцатого не задавили...

В тёмной громаде здания КГБ не светилось ни одного окна.

– Кран! Пропустите кран!

Возглас из мегафона потонул в женском визге.

«Свалить бы с этого шоу», подумал Макс. Он был равнодушен к любым символам, уверен, что памятник Дзержинскому благополучно свалят и без него, и пришёл сюда ради того, чтобы этот спектакль посмотрела Аня.

– Пропустите кран!!!

«Надо отсюда выбираться!»

– Анечка, давай пробираться к метро? – прокричал он в ухо любовнице, чтобы она могла его услышать посреди рёва толпы, визга и писка.

– Ну сейчас же будет самое интересное! – Аниных слов он не услышал, но по губам понял, что она против.

– Кран!!!

Толпа схлынула, пропуская машину, передние ряды надавили на задние, и Макс с Аней оказались на краю подземного перехода.

Тем временем под улюлюканье толпы активисты набрасывали трос на шею скульптуры.

– Дай я посмотрю! – вдруг дёрнулась Аня, и Макс приподнял её лёгкое тело на парапет.

Вечерний августовский ветер шевелил её волосы, раздувал плащи и куртки собравшихся, нёс над площадью возгласы и завывания, пепел окурков и обрывки газет, мглу и морок.

* * *

Посольство США в Москве занимало высокий особняк на улице Чайковского, нижние этажи которого были выкрашены в ярко-жёлтый цвет яичного желтка, особенно подсвеченные поздними августовскими вечерами, когда, несмотря на неурочный час, в здании светились практически все окна...

В августе 1991 года Келлер находился в Москве. В первые дни после государственного переворота он, как и все его коллеги, работал днём и ночью, оставляя на сон по три-четыре часа в сутки. Тем не менее, пришлось ему найти время и для того, чтобы, как выражался Калныныш, «подчистить хвосты» – проконтролировать внезапно всплывшие последствия вроде бы завершённых операций.

В последних числах августа в редакцию одной из крупных демократических газет обратилась женщина.

Её обращение было довольно странным даже для этих суматошных дней, и, прежде чем отправить его в корзину, редактор газеты связался с куратором, а далее по цепочке оно оказалось на столе у Келлера и заставило его задуматься.

Некая Наталья Ермишина, муж которой был арестован и третий год находился под следствием по обвинению в преступной халатности при строительстве газопровода, при взрыве которого... – далее следовало описание хорошо известных Келлеру деталей – и заявительница рассчитывала, что после свержения диктатуры КПСС с этим делом разберутся и выплатят ей достойную компенсацию за преследования со стороны коммунистического режима...

– Не публиковать, конечно? – осведомился голос в трубке.

– Почему же? – ответил Келлер. – Публиковать, конечно, публиковать. С пометкой, что адрес заявительницы – в редакции. И отследить звонки...

В течение недели, помимо обычных терроризировавших редакции газет сумасшедших, особенно активизировавшихся в моменты политических перемен, обратили на себя внимание два звонка. Звонившие интересовались адресом героини одной из публикаций Натальи Ермишиной. Первый был мужской голос с густым кавказским акцентом, второй – ничем не примечательный голос, принадлежавший мужчине лет сорока с правильным русским произношением. Оба звонка были междугородними.

...Газету Стригунков купил случайно, скорее по привычке просматривать прессу, чтобы представлять, кто что пишет и кто чем дышит. Он не стал бы, наверное, читать очередное

разоблачение преступлений тоталитарного режима, да ещё и почти на целую полосу мелким шрифтом – от разоблачений уже тошнило – но глаз резануло вставленное фото, до боли знакомое даже в плохом качестве, с вагонной табличкой «Адлер – Новосибирск», и Антон внимательно прочёл статью несколько раз с карандашом в руке.

Это был подарок судьбы. Дело оставалось за малым – узнать в редакции адрес Натальи. Пораскинув мозгами, он решил не сочинять легенд, а представиться тем, кем он был – старым знакомым семьи Ермишиных. Во всяком случае, подумал он, если бы газетчики не хотели, чтобы Наталью нашли, они бы не давали внизу статьи приписку о том, что её адрес в редакции, да и изменить имена и фамилии им ничего не стоило. Однако ж Ермишин в статье остался Ермишиным, как и его супруга...

Учебный год в институте, где работал Стригунков, начинался с октября – в сентябре его студенты были «на картошке», и он вполне мог себе позволить на несколько дней исчезнуть из города в сентябре, тем более – в сентябре девяносто первого, когда преподавательский состав был занят чем угодно, но не дисциплиной...

За окном поезда расстился уныло-жёлтый осенний пейзаж. Под мерный перестук колёс плацкартного вагона Антон думал о том, как его встретит Наталья – он видел её всего раза три-четыре вместе с Фёдором и никогда близко не общался. С другой стороны, обращаясь в редакцию газеты, она должна быть готова к тому, что интерес к теме проявят разные люди, в том числе и незнакомые – иначе зачем туда обращаться...

Начинал накрапывать дождь, стуча редкими каплями в грязное стекло. Антон попытался открыть окно, чтобы вдохнуть прохлады, но безрезультатно – трафаретная надпись «закрыто на зиму» полностью себя оправдывала, видимо, уже не первое лето.

Леса сменялись полями, и клонились к земле налитые золотистые колосья – погибающий неубранный рекордный урожай девяносто первого года...

«Где же наш пахарь? Чего ещё ждёт?» – невесело вспомнились Антону стихотворные строчки.

В Самаре на соседнее место подсел говорливый парень лет двадцати семи, начинавший организовывать свой торговый бизнес и торопившийся в Москву на переговоры, пока его не опередили конкуренты.

Антон вполуха слушал болтуна, кивал, всё чаще отходя курить в тамбур – сосед, по счастью, не курил, да и вскоре нашёл более благодарных слушателей – двух неопределённого возраста тёток с боковых мест, краем уха слышавших слово «бизнес», но слабо представлявших, что это такое, зато уверенных, что теперь-то, после победы Ельцина, на них прольётся долларный дождь и всех озолотит...

– Меня, например, – втолковывала коммерсанту дама в спортивном костюме и резиновых тапочках, тщательно полируя ногти пилкой, – интересуется гостиничный бизнес. Как Вам кажется, получится из меня хозяйка гостиницы? Я хочу три этажа, чтобы в стиле девятнадцатого века, и обязательно швейцар на входе. В ливрее и с этими... как их называют... аксельбантами, вот! Непременно с аксельбантами! У меня, между прочим, прадед был купцом первой гильдии и ездил на экипаже с тройкой с кучером и колокольчиками! Как Вы полагаете, будет ли возврат собственности потомкам прежних хозяев? И будет ли положена компенсация за то время, что собственностью пользовались большевики? – она томно отложила пилку на покачивающийся белый столик, поднятый из бокового места.

– Это называется реституция, – вставила умное слово вторая дама, в основном молчавшая, давая выговориться своей компаньонке.

Первая дама прижала к губам пальцы, как будто при ней упомянули нечто непристойное.

– Я бы больше рассчитывал на собственные силы и на современность, – прервал её грёзы попутчик, – у кого кем прадед был – это вопрос сложный. Вы, например, готовы подтвердить Ваши права документами?

– Я... – перекисная блондинка явно не ожидала подобного вопроса. – Конечно, если порыться в городских архивах...

– Пока будете рыться, уплывёт Ваша гостиница, – отвечал провинциальный бизнесмен. – Сейчас время такое, кто успел, тот и съел. Так что стоило бы Вам не мечтать, а поторопиться с более реалистичными планами...

Несостоявшаяся купчиха первой гильдии обиженно уткнулась в окно. Устав от их дискуссии, Антон воспользовался тем, что ни одна из сторон пока не попыталась привлечь его для доказательства своей правоты, и задремал на верхней полке.

Поезд прибывал в Москву утром, часов около восьми-девяти. Когда Антон проснулся, дама с боковой полки уже деловито прихорашивалась, подводя губы малиновой помадой перед карманным зеркальцем. Сосед сгружал с третьей полки в проход свои увесистые сумки, впрочем, он был такой не один – разного рода спекулянты, ищущие лёгкого заработка, составляли не меньше половины вагона.

На перроне Стригунков с облегчением распрощался со всеми попутчиками, с наслаждением вдохнув запах холодной осени и Казанского вокзала. С трудом протиснувшись сквозь толпу носильщиков, таксистов и самых разнообразных торгашей, он наконец оказался в метро. Только метро, кажется, осталось неизменным в этом рушащемся мире, и красное светящееся табло, как прежде, безукоризненно отсчитывало минуты и секунды...

Антон Стригунков опоздал.

Недоброе предчувствие закралось в его сознание уже тогда, когда, войдя во двор, он увидел у подъезда милицейскую машину.

Развернувшись, он ушёл прочь – не нужно было быть профессионалом, чтобы понять, что в такой ситуации не стоит заходить в подъезд – и вернулся через двое суток.

Но было поздно.

Антону удалось поговорить с последним сожителем Натальи – алкоголиком, который рассказывал об её исчезновении заученными фразами, видимо, так же, как рассказывал до этого участковому.

– Я что... я ничего... – пьяненько вздыхал хозяин комнаты в коммунальной квартире в Сокольниках. – Она... Наташа, значит. Взяла ребёночка, Никитку, значит, и пошла. На улицу пошла. И больше не возвращалась. Я ж ей не муж, никто, значит... Милиция и не стала ничего, а зачем? Может, к другому ушла, почём знать. Если бы родственники... Эх... – он разлил остатки водки и привычным движением опрокинул рюмку.

Стригунков допил свою, попрощался и вышел.

Он опоздал.

...Сначала Келлер подумал, что исчезновение Натальи Ермишиной – самодеятельность Калыныша, но быстро отбросил эту мысль.

Его подчинённый никогда бы себе такого не позволил – не в смысле гуманизма, конечно. Он никогда бы не позволил себе осуществить ликвидацию без приказа или хотя бы без разрешения вышестоящего начальника, ответственного за всю операцию – а таковым был сам Келлер. Исключено.

Да и кому могла понадобиться жадная, недалёкая, амбициозная дура?

Однако Ермишина исчезла.

Из квартиры она ушла сама, с новорожденным сыном на руках, и сама, без принуждения, села в подъехавшее такси – это видели и дворник, и старухи у подъездов. Это было именно такси, жёлтая «Волга» с «шашечками». Номер, разумеется, никто из очевидцев не запомнил.

Конечно, учитывая образ жизни Ермишиной, она вполне могла и сменить любовника, ничего не сказав предыдущему. Келлера беспокоило другое – это было второе бесследное исчезновение человека, имевшего отношение к эпизоду с поездами на тысяча семьсот десятом километре. Два года назад – саюдисовец, исполнитель, Турманис была его фамилия, и

вот теперь – Ермишина. Странно, очень подозрительно... Ни одна из официально списанных на несчастный случай техногенных катастроф перестроечных лет не сопровождалась такими странными «хвостами» – это он знал точно, поскольку непосредственно курировал именно это направление дестабилизации обстановки в Советском Союзе.

А в совпадения Арнольд Келлер не верил.

* * *

Войдя в квартиру, Аня с удивлением наткнулась в прихожей на невозмутимо переобувающуюся Юльку.

– Ты что здесь делаешь? – удивилась она.

– А я вообще не к тебе пришла, – ответила та, едва повернув голову, как ни в чём ни бывало, повесила мокрую куртку на крючок, нацепила тапочки и скрылась в комнате Матрёны Петровны, откуда доносились незнакомые голоса.

Интересно, подумала Аня, кого это привела сегодня к себе старуха?

Да впрочем, ей-то какая разница! Метнув в закрытую дверь презрительный взгляд, Аня направилась к себе в комнату переодеваться.

Через пару минут она выглянула в коридор, но убедившись, что бабкины гости, кто бы они ни были, сидят у неё в комнате, подошла к шкафу и открыла шкатулку, где лежали её украшения – дорогие подарки Максима, бережно потрогала их.

Блестящий металл струился сквозь её тонкие пальцы.

Застегнув на шее кулон на золочёной цепочке, Аня аккуратно поставила шкатулку на место.

Глава восьмая

«К гражданам Советского Союза!»...

Ветер трепал белый тетрадный листок с рукописным текстом на фонарном столбе, словно цепляясь за плохо промазанные клеем уголки.

Аня не стала читать текст целиком – что могло быть интересного в совковой листовке – сморщив миниатюрный носик, хмыкнув и передёрнув тонкими плечиками, она направилась по своим делам.

– Девушка, извините, пожалуйста! – молодой человек обращался к Ане.

Она обернулась.

– Девушка, я, кажется, заблудился, – неуверенно проговорил просто одетый парень её возраста. – Не подскажете, как пройти к метро?

– Там остановка, – махнула рукой Аня, – до метро идёт автобус.

Но парень медлил, не уходил.

– Скажите, Вы же внучка Матрёны Петровны? Вас же Аня зовут?

– Племянница, – ответила она уже зло и резко зашагала прочь, не оборачиваясь назад.

Через пару минут Аня увидела восьмилетнего Артёма Зайцева, шедшего вдвоём с приятелем с футбольным мячом под мышкой.

– Эй, – позвала она, и мальчишки остановились, – Тёмка, вопрос есть!

– Чего тебе?

– Слышишь, – Аня понизила голос, – ты не знаешь, что за люди собираются у моей бабки Матрёны и зачем? Твоя сестра к ней, кстати, тоже ходит. Кто это такие?

– Знаю, – кивнул Артёмка, – но не скажу! Это, между прочим, большой секрет! – и мальчишки, видя недовольное Анино лицо, одновременно громко захохотали и побежали в сторону подъезда.

– Смех без причины – признак дурачины! – только и крикнула им вслед Аня, убеждая себя, что не стоит портить настроение из-за каких-то малолеток.

С другой стороны по тропинке шла в сапожках на каблучках Ирка.

Шла она, как обычно в последнее время, с почты и, увидев Аню, свернула к магазину.

...Поведение бывлых подруг Аню неприятно удивляло.

Ни одна из них не стремилась разделить Анино счастье или хотя бы порадоваться за неё, нашедшую большую любовь.

Юлька, которой она месяц тому назад бросила в лицо обвинение в зависти, относилась к Ане с полным безразличием, просто не обращала на неё внимания – она усердно ходила на начавшиеся занятия в институт, плюс была занята какими-то своими делами, по которым общалась с незнакомыми ей людьми и даже – надо же! – с бабкой Матрёной. Аню их дела, конечно, не интересовали, Аня догадывалась, что они ругают новую власть, но ей это было до ужаса скучно. Обидно было другое – то, что Юлька демонстративно секретничала. Да и чёрт бы с ней, с Юлькой, раз уж она нашла другую компанию...

У самой Ани тоже начались занятия в институте, но за весь сентябрь она появилась там раза четыре, от силы пять.

...Другое дело – Ирка. Вот уж от кого Аня не ожидала. Внешне порадовавшись за Аню в августе, Ирка изошла чёрной завистью и загорелась идеей выскочить замуж за иностранца – не столько даже затем, чтобы устроить свою жизнь, но чтобы доказать себе и окружающим, что она не хуже Ани.

Ирка возвращалась с почты, отослав свои фотографии в редакцию очередного журнала. Теперь её жизнь протекала между почтовым отделением и фотоателье.

Порывистый осенний ветер прижимал белеющую листовку к стеклянному павильону автобусной остановки.

* * *

Марк Калныньш был младшим ребёнком в семье бедного латышского эмигранта. Возможно, из-за сходства судеб старик Келлер и относился к нему почти как к сыну – в юности отец Калныньша успел послужить во вспомогательных частях СС, а после, неизвестно какими путями оказавшись в Соединённых Штатах, перебивался случайными заработками и мелким воровством, безудержно пил и женился в начале пятидесятых на официантке из местного кабака, наплодил с ней шестерых ребятишек, которых, вероятнее всего, ожидала бы такая же участь. Их ждали цепкие объятия улицы, алкоголь, наркотики и полицейский участок. Однако Марк, как говорят в Америке, «сам себя сделал», выбившись из грязи без помощи родственников, благодаря одному человеку – вовремя заметившему его Арнольду Келлеру. А начинал он с того, что, в отличие от братьев и сестёр, прилежно учился в начальной школе при церковной общине...

Келлеру был нужен доверенный сотрудник для деликатных поручений, и Марк прекрасно подошёл на эту роль. Не одноразовый исполнитель, нет – таких было достаточно – но верный человек, на которого можно положиться.

И оба они прекрасно понимали, что Келлеру Калныньш обязан всем, чего добился и чего ещё добьётся в жизни.

...При планировании операции под Ашой Келлер допустил небрежность, которая, хотя могла быть замечена дотошным противником, не привела ни к каким последствиям.

Он организовал взрыв поездов четвёртого июня – ровно через год после взрыва на железной дороге в Арзамасе, повлекшего гибель около сотни человек.

Чтобы сравнить эти два события, не нужно было быть профессиональным разведчиком – совпадение дат могло броситься в глаза любому советскому школьнику. Однако обе катастрофы, как и многие другие, были списаны на случайность, на нарушение техники безопасности – ведь уже вовсю шла перестройка, и обращать внимание на подобные странности было некому.

Намного позже Марк узнал, что четвёртого июня был день рождения матери Келлера, погибшей при бомбёжках Берлина. Его это удивило – шеф никогда не давал повода считать его ни суеверным, ни сентиментальным...

* * *

Прохладный сентябрь сменился сырым и ветреным октябрём, а за ним на горизонте замаячил и ноябрь.

В тот год весной отменили декретное время, и в марте не перевели стрелки часов, осенью же перевели их, как обычно, и унылая темнота наступала в ту осень особенно рано, вгоняя людей в беспросветную тоску вместе с холодом и окончательно опустевшими полками магазинов.

Аня шла домой около половины пятого вечера, и уже было практически совсем темно. С неба падал противный мокрый снег. Окно в комнате Матрёны светило – значит, бабка была дома. Горел свет и на кухне, тёмным оставалось только окно её комнаты. Аня вошла в подъезд.

В прихожей девушка наткнулась на несколько пар чужой обуви – опять, значит, гости... За бабкиной дверью громко и противно стучала швейная машинка. На кухне монотонно рассказывал новости радиоприёмник.

«Сегодня, шестого ноября, Президент России Борис Ельцин подписал указ о запрете Коммунистической партии...»

Но Аню интересовал только стоявший в коридоре телефон. Набрал на диске номер Макса и прижав трубку к уху, она долго слушала длинные гудки после щелчка автоматического определителя номера.

До Максима она не могла дозвониться уже второй день. Никто не брал трубку. Это было странно. Кроме того, за эти дни он ни разу не позвонил Ане сам – чего не бывало и раньше и тем более не должно было быть теперь.

Позавчера Аня сказала возлюбленному, что ждёт ребёнка.

В первый момент, услышав эту новость, Макс то ли удивился, то ли не понял, о чём речь, но через несколько секунд, конечно, обрадовался и сказал, что теперь надо готовиться к свадьбе.

В тот вечер он был с ней особенно нежен...

И вот – ни вчера, ни сегодня Аня не могла дозвониться до любимого. В очередной раз выслушав длинные гудки, она решила ехать к нему на квартиру.

У подъездной двери девушка неожиданно столкнулась с Николаем Зайцевым.

– Рано Вы сегодня, дядя Коля, – поприветствовала она соседа.

– Так праздник сегодня, – ответил он, – надо помогать ребятам готовиться...

– Какой праздник? – не сразу сообразила Аня.

– Седьмое ноября, – несколько удивлённо произнёс Зайцев, придерживая дверь и проходя в подъезд, – мы с ребятами... – он осёкся. – Ладно, счастливо! – и захлопнул между собой и Аней подъездную дверь.

* * *

– А, это ты, – лениво произнёс Макс, пропуская её в прихожую и прикрывая дверь комнаты, где гремела музыка, а по потолку плясали разноцветные отблески.

– Максим!.. – Аня вцепилась ногтями в свитер на его плечах.

Он нехотя оторвал девушку от себя. От него сильно разило алкоголем, но это не было чем-то необычным и не насторожило Аню.

Но на девушку нахлынул ужас. Жуткий, не сравнимый ни с чем, он вырос из Макса и из его квартиры, наполненной съёмочной аппаратурой.

Она облизала мгновенно пересохшие губы.

– Максим, как же...

Он передёрнул плечами, но Аня, не снимая обуви, уже шагнула в ближнюю комнату, резко толкнув дверь. Как ей показалось, сверкнувшая в полутьме полуголая девица с визгом рванулась из комнаты на балкон.

– Анечка, постой, послушай...

– Как ты мог! – крикнула она, оборачиваясь. – Как ты мог! Ведь у меня будет ребёнок! Твой ребёнок! – Хлёсткая пощёчина врезалась в его лицо, и отчаянные слёзы покатались по Аниным щекам.

– Да погоди ты... – Макс словно не был готов к столь взрывной реакции, сбрасывая её руки со своих плеч.

– Ты меня любишь или нет?? – настаивала Аня.

И он не выдержал.

– Да катись отсюда к чертям!!

Девушка отпрянула.

– Что ты сказал?

– Что слышала!! Дура!!! Ты думаешь, ты мне нужна? Да у меня таких, как ты, вагон... Думаешь, одна такая уникальная? Чао!

– Максим...

– Что Максим? Двадцать три года Максим! Смотри, если хочешь! Смотри и не говори, что не видела!

Он, схватив Аню в охапку, почти силой протащил её на середину комнаты – хотя она и не сопротивлялась.

– Хочешь? На! Смотри!! Смотри!!!

Слёзы застилали Ане глаза, она ещё пыталась ухватиться за соломинку, но возлюбленный безжалостно подхватил пульт и нажал комбинацию кнопок.

На знакомом экране появилось её лицо и её тело, по которому скользила камера. Запечатлённые на плёнке умелые пальцы ловко расстёгивали пуговицы, обнажая плечи и грудь девушки...

– Ну что? – нахально ухмыльнулся Максим, останавливая запись на паузу, – дальше будем крутить или сама всё поняла, красавица?

Аня сделала шаг назад.

– Тварь! – негодуяще задохнулась девушка, – Мерзавец! – она попыталась залепить ещё одну пощёчину, но рука Максима остановила её руку.

– Это лишнее, Анечка, – хмыкнул он – но страсти в тебе действительно много. Экспрессии, так сказать... – смаковали слова растянувшиеся в улыбке губы Максима, – Ценю, ценю... Могу тебе дать рекомендацию, дорогая. На Курский вокзал. Кроме шуток., солнышко, – слюнявые губки причмокнули, – на Курском такие, как ты, ценятся даже выше, чем на Казанском...

Договорить он не успел.

– Ну ты и сволочь... – выдохнула Аня, хватая куртку с вешалки.

– Сволочь, – подтвердил Максим, – а ты думала – в сказку попала? Сейчас другое время, деточка. Бизнес, Анечка. Бизнес делает каждый, кто как умеет. Я вот – на съёмках девочек, а кто-то...

Аня всхлипнула.

– Максим, а как же ребёночек? – попыталась она ухватиться за последний аргумент.

– И что? Тебе денег дать на аборт? Сама виновата. Давай, давай, – бывший любовник похлопал Аню по плечу, – иди, дорогая. Будет нужен заработок – обращайся, поможем по старой памяти, спрос найдётся. Чао! – дверь артистично захлопнулась.

«Чао!»

* * *

Лифт послушно выполнил отданную команду, доставив пассажирку, и двери распахнулись на нужном этаже.

За деревянной дверью на лестницу что-то возбуждённо обсуждали приглушённые голоса.

Аня резко толкнула скрипучую зелёную дверь.

– Насчёт завтрашнего дня... – говоривший прервал речь и обернулся в её сторону.

На площадке стояла Юлька и двое незнакомых парней. Впрочем, одного из них Аня уже однажды видела – это он, кажется, как-то спрашивал у неё дорогу до метро.

Сигарета, одна на троих, тлела на краю подоконника возле служившей пепельницей консервной банки, там, где обычно курил Юлькин отец.

Все трое обернулись к распахнутой двери.

– Что вы тут! – выкрикнула Аня. – У вас тут лестница не купленная!

Юлька только удивлённо хмыкнула, подёрнув левым плечом.

– Спустимся на этаж ниже? – предложил тот парень, который спрашивал у Ани дорогу. Второй кивнул.

– Пойдём вниз, Юленька? – спросил он бережно, девушка кивнула, и вся компания направилась по ступенькам на нижнюю площадку.

– Это кто такая? – услышала голос Аня.

– Соседка, – пояснила Юлька, – вместе в школе учились. Теперь нашла себе хахла-буржуйчика, обвешалась бриллиантами и считает себя круче всех в этой жизни. Не обращайте внимания.

Дальнейший их разговор не был слышен с Аниной верхней площадки.

Она вбежала в квартиру, не разуваясь, рухнула на кровать и расплакалась, уткнувшись лицом в подушку.

* * *

Ветер гнал по небу тяжёлые рваные тучи, с раннего утра скупо поделившиеся с землёй мелкими колючими снежинками, которые так и не превратились в полноценный снегопад.

Редкие лужи покрылись тонким ледком, который хрустел и трескался под ногами давивших его мальчишек.

Мальчишки шли на спортплощадку играть в футбол – возможно, это были последние выходные без снега.

Артём Зайцев сидел у окошка, подперев подбородок ладонями, и с тоской смотрел из квартиры вниз на приятелей. Полчаса назад они подходили под окна.

– Тёмка! – кричали снизу. – Ты выйдешь?

– Нет, – отвечал он, – меня загнали до вечера!

Когда Артём простужался и его не пускали на улицу, он часто сидел у закрытого окна в шерстяных носках и, прижавшись к стеклу щекой, наблюдал за ребятами во дворе.

Но утром седьмого ноября мальчик был совершенно здоров, и сидеть дома было особенно обидно, а ещё обиднее, если знать, что в этот день планировалась самая первая неофициальная, почти запрещённая октябрьская демонстрация, на которую отправились отец и сестра, а Тёмку не взяли – мал ещё.

Если бы мать ушла вместе с ними, Тёмка, конечно, тоже убежал бы – он уже ездил без взрослых на автобусах и даже на метро, он бы не потерялся... Но мать, словно почуяв Тёмкино намерение, единственная осталась дома, хотя ещё позавчера вечером – он подслушал разговор родителей, притворяясь спящим – они собирались туда втроём, мать, отец и Юлька, а с ними соседка Матрёна Петровна и новые Юлькины друзья, из которых Тёмка знал только одного, бывавшего у них чаще всех – Андрея.

* * *

День был ещё выходным, но уже не праздничным. Ни на улице, ни в метро не было атмосферы праздника – Юльку окружали всё те же, что и вчера, что и позавчера, усталые лица, наглухо застёгнутые куртки и пальто. Лишь листовки с призывом выйти на демонстрацию на жёлтой газетной бумаге, расклеенные на столбах и подъездах, местами уцелевшие, местами оборванные демократами, бросались в глаза огромной цифрой «7» на середине листа.

Лишь при приближении к «Октябрьской» в воздухе начинали чувствоваться частицы напряжённого ожидания, предвкушения единения – всё было в первый раз, и ехавшие по Кольцевой линии люди ещё не знали и боялись этого ощущения.

– А что, если никто не придёт? – спросила девушка тихо, ни к кому не обращаясь, когда они ждали поезда на платформе, – в смысле, кроме нас? Если мы одни будем?

Этот вопрос вертелся на языке давно, уже пару недель, с тех пор, как она узнала от Матрёны Петровны, что демонстрация всё-таки состоится, и «Трудовая Москва» зовёт людей седьмого ноября на Октябрьскую площадь. Но она не решалась его задать вплоть до вчерашнего дня. Вчера же, после объявления ельцинского указа о запрете КПСС, любые колебания могли выглядеть как трусость, и никто из решивших идти не посмел задать товарищам этот вопрос.

– Не может такого быть, Юленька, – твёрдо ответил стоявший возле неё молодой человек, хотя в какое-то мгновение в его глазах можно было прочесть те же сомнения, но этого никто не успел заметить, – придут люди, обязательно! Не могут не прийти!

...Станция, переход и ведущий на поверхность эскалатор были запружены народом, словно в час пик рабочего дня. Над головами людей плыли наспех сколоченные деревянные дощечки плакатов и незачехлённые металлические наконечники знамён. Толпа бурлила, люди оживлённо переговаривались, кто-то кого-то звал, толкаясь, люди протискивались в направлении, противоположном движению толпы на выход – видимо, многие заранее договорились о встрече на традиционном месте возле ажурной решётки у тупиковой стены «Октябрьской», не предполагая, сколько соберётся людей, и пытались отыскать своих знакомых...

– Руку давай, – пытаюсь заглушить гул толпы, закричал на ухо дочери Николай Зайцев. – Держимся, не теряемся!

Он крепко ухватил её ладонь, а за вторую Юлькину руку взялся Андрей, державшийся рядом с ней в метро.

– Не теряемся! – передала ему девушка дальше по цепочке, не вынимая ладони из его руки. Толпа внесла их на длинный эскалатор.

Воздух холодной осени свежей струёй ударил в лицо из ходивших взад-вперёд стеклянных дверей метро с надписью «выход», и ей почему-то вспомнилось, как в детстве, ещё слабо умея читать, она называла эти двери «вдох» и «выдох»...

Теперь она жадно глотала воздух, глядя перед собой.

Площадь была заполнена почти полностью – от кольцевой станции до радиальной, вся проезжая часть и сквер у подножия памятника Ленину. Над толпой колыхались развёрнутые красные флаги. Людское море несло её вперёд, а она всё не могла поверить собственным глазам.

– Народу-то сколько, Андрей! – восхищённо прошептала Юлька. – Значит, пришли всё-таки, пришли, представляешь... Наши...

– Представляю, Юленька, – так же тихо и зачарованно ответил шедший рядом с ней парень и повторил это простое и удивительное слово. – Вот они, наши...

Глава девятая

Год 1992. Февраль

Наступил день, когда деньги закончились совсем.

На второй день после Нового года на полках магазинов появились разнообразные продукты – вдруг, как чёрт из табакерки, как будто материальные продукты могли появиться внезапно из ниоткуда.

Появились в том числе различные сорта колбасы, на которые годами молились демократы.

Повышенной ветеранской пенсии Матрёны Петровны теперь хватало килограмма на четыре этой самой колбасы, если не самой дорогой, конечно.

Была, конечно, ещё зарплата – она продолжала работать в библиотеке. И стипендия Ани, которой не хватало даже на проезд от дома до института.

После того, как её прогнал Максим, Аня волей-неволей помирилась с бабкой – жить надо было под одной крышей и делить нехитрое хозяйство. Поделившись своей старой, как мир, историей обманутой простушки, Аня умолчала лишь о том, что стала жертвой дельцов порноиндустрии – вот об этом не знал действительно никто.

Но надо было как-то жить дальше и готовиться к рождению ребёнка, которого она неожиданно решила сохранить. Для окружающих это решение выглядело странным посреди рушащегося мира и могло быть объяснено только тем, что Аня всё же продолжала любить обманувшего её Макса.

Оставшись одна, девушка окунулась в реальный мир и столкнулась с тем, насколько он изменился за те месяцы, что она жила только своими фантазиями.

Деньги пришлось считать. До копейки.

И наступил день, когда деньги закончились совсем.

Тогда Аня, наконец, решилась.

Она открыла заветную шкатулку и долго не могла выбрать, с чем из подарков Максима ей придётся расстаться.

Наконец, так и не определившись с выбором, она взяла шкатулку целиком и направилась в недавно открывшийся рядом с метро ломбард.

Немолодой оценщик несколько раз переводил взгляд то на украшения, то на Аню, теребя узловатыми пальцами круглую лупу.

– Вынужден Вас разочаровать, девушка, – вздохнул он наконец, – но я не могу принять ни одну из вещей, которые Вы принесли. Потому что ни золота, ни камней здесь нет – это латунь и стекляшки, и цена им копейки в базарный день, а уж при нынешней инфляции... Прошу прощения, девушка, но вряд ли смогу Вам помочь...

Собрав украшения в горсть, Аня медленно вышла на улицу.

Она уже не плакала – вряд ли Макс был способен заочно предать её ещё раз после всего, что случилось.

Неторопливо падал снег.

* * *

Жужжал-гудел бесстыжий Арбат.

В расставленных посреди дороги палатках шла бойкая торговля – торговали советскими орденами, знамёнами, вымпелами, матрёшками, шапками-ушанками и вообще чем попало,

всем, что могло иметь спрос у белозубых иностранцев, шатавшихся шумными группами и бесцеремонно и деловито приценивавшихся к приглянувшемуся товару.

По краям мостовой выстроились в шеренгу проститутки – одинаково вульгарно накрашенные, одинаково наряженные в короткие, едва прикрывающие ягодички шубейки, тонкие модные колготки и высокие сверкающие чёрные сапоги на каблуках-шпильках – эти три принадлежности, похоже, были единственными, прикрывавшими их тела – такой же товар, как матрёшки и ордена, который с гамом, цокая языками, оценивали покупатели. Пальцы с броским маникюром одинаково небрежно стряхивали пепел с сигарет. Каблочки постукивали набойками о безжизненную брусчатку.

По стенам домов переливались неоновые вывески пунктов обмена валют. Кричали, врываясь в мозг, взламывая сознание, обещая «свидание с Америкой», щиты с рекламой сигарет. Чванно блестела красная вывеска «Макдональдса».

Молчаливые камни сталинских высоток и вестибюлей метро застыли в своей гранитной немоте, хранители растоптанной и осквернённой столицы.

Юлька всё ещё не могла к этому привыкнуть.

Они шли вдвоём по погрязшему в глуме центру Москвы, взявшись за руки, словно бросая вызов нечисти, и, держась за пальцы Андрея, она чувствовала себя сильнее, шагая сквозь строй захвативших её город торгашей с грязными и липкими руками.

Знаменитые арбатские художники теперь промышляли эротическими шаржами.

Юлька с презрением отвернулась, но взгляд её врезался в очередную голую фигуру, мигающую розовыми огоньками.

Наступали ранние арбатские сумерки. Торгующим не было никакого дела до того, что сегодня, девятого февраля, в воскресенье, Юля и Андрей шли с первой в этом году крупной советской демонстрации. С первой демонстрации, которую побоялись разгонять Ельцин и Попов – и теперь реванш был просто необходим... Но в этот вечер двое неглупых и неравнодушных к политике людей об этом не думали.

Юлке вдруг стало душно, словно вывески и палатки торгашей подступили к её горлу, не давая морозному воздуху наполнить лёгкие и насытить их живительным кислородом.

– Пойдём в метро, – сказала она другу шёпотом, одними губами, словно боясь, что чужие услышат её просьбу, хотя чего бы тут, вроде бы, бояться, – пойдём. Тут нечем дышать.

И ему не показалось странным её желание уйти с улицы под землю за свежим воздухом – наверное, он чувствовал примерно то же самое.

Под сводчатым потолком станции «Арбатская» действительно стало легче дышать и легче не обращать внимания на спешащих по своим делам равнодушных людей с тюками и сумками.

Через несколько минут они оказались посреди монументальной беломраморной «Киевской»-радиальной. От устремлённых ввысь пилонов станции веяло ласковым успокаивающим холодком – и одновременно неизъяснимо родным теплом.

Юлька высвободила ладонь из руки Андрея и провела ею по гладкой и прохладной белой каменной поверхности.

Под шум расходящихся с платформ поездов он тихо сказал у пилон, так, чтобы даже самому себя не слышать:

– Я очень люблю тебя, Юленька...

...Ближайший путь к дому от метро лежал через рынок, которые возникали, как грибы, там и тут, в том числе и в родном районе, безобразно вгрызаясь в окружающий пейзаж.

– Обойдём?..

– Напрямик, – тряхнула локонами Юлька, – это мой город и мой район.

И они пошли сквозь торгашеские ряды, взявшись за руки, как час назад на Арбате. Но вдруг что-то заставило Юльку остановиться.

– Привет, – выдавила она через несколько секунд.

За прилавком, увешанным дешёвым турецким ширпотребом, сидела Аня Ермишина, осунувшаяся и повзрослевшая, с тёмными кругами под усталыми глазами. На её тонкой, ещё не раздавшейся вишь фигурке мешком висел тяжёлый ватный полушубок, который прошлой зимой Юлька видела на бабке Матрёне. Анька, выстаивавшая в палатке долгие морозные дни, зябко куталась в полушубок и тёплый платок, верой и правдой служившие бабке лет уже как минимум десять.

– Здравствуй, – улыбнулась она растерянно.

– Привет, – ответила Юлька, – как живёшь-то? А мы с митинга идём. Давно не общались.

Это была правда – после того, как Аню бросил её богатенький кавалер, им ещё не представилось случая поговорить не спеша.

– Да вот, – Аня обвела палатку рукой в шерстяной перчатке с обрезанными пальцами, – устроилась пока... торговать. А то оказалась совсем без денег. Ну, цены выросли, а денег взять негде... Торгую вот. Одеждой. Холодно с непривычки, а так ничего... Живу вот, работаю. Ирка уехала, знаешь?

– Знаю, – кивнула Юля.

...На днях провожали Ирку в Швейцарию.

Её усилия были вознаграждены – нашёлся пятидесятилетний лысый европеец, который соблазнился вчерашней школьницей. Ей только-только исполнилось восемнадцать, что позволяло оформить собственный загранпаспорт, и она торопилась, пока жених не передумал.

Лично Ирка увидела своего жениха в первый раз, когда были подготовлены все документы, и он прилетел в Москву забирать её.

«Как вещь», – подумалось Ане, но она отогнала эту мысль прочь. Девушкам, выходящим замуж за иностранцев, полагалось завидовать, это было модно и престижно и считалось максимумом того, что можно в жизни желать.

Из магнитофона гремели песни группы «Комбинация»:

“American boy,
American boy,
Уеду с тобой,
Москва, прощай...”

Иркина мать готовила горячую картошку, смахивая слёзы со щёк кухонным полотенцем. На проводы Ирка пригласила почти весь их бывший класс, но пришли не все. Так, не было Юльки Зайцевой – Ане это бросилось в глаза, она знала, что Юльку приглашали.

Под окнами мальчишки играли в снежки – Аня заметила Артёмку и его лучшего друга Мишку, которые самозабвенно штурмовали снежную крепость.

Мишка учился в параллельном классе, был старше Артёма почти на год и выше на целую голову и за счёт своих физических данных пользовался в компании авторитетом. Хотя и Тёмка тоже не отставал...

– Везёт же людям, – облизывая пальцы, вздыхала сидевшая вплотную к Ане Катька, лучшая школьная подруга невесты, – раз – и отхватила себе фирмача. Счастливая...

Ане вдруг резко вспомнился Макс и она сама, юная и наивная, всего полгода назад.

«Счастливая ли?» – шевельнулась странная мысль. – «Выходит замуж непонятно за кого, никогда не видела, даром что за границу...»

Но мысль прервалась, излишне смелая, Аня пресекла её, словно запретив себе думать о подобном. А то ж так недалеко и до Юлькиных коммунистов дойти...

– Ничего, – продолжала, увлекшись, Катька, – я себе тоже найду. Может, и иностранца. Чем я хуже? Ань, ты чего загрустила-то? Всё о своём? Выше нос, подруга, мы себе женихов похлеще найдём! Налить тебе шампанского?

– Ну что ты, мне ж нельзя, – тихо ответила Аня, – ребёнок же...

Песня из магнитофона продолжала колотить по мозгам.

“Russian, Russian, Russian girl, my baby...”

* * *

Двадцать третьего февраля, в День Советской Армии, патриотами планировалось шествие по улице Горького с возложением цветов к Могиле Неизвестного Солдата.

Накануне мэр запретил любые шествия и митинги в праздничный день.

Но площадь постепенно заполнялась людьми – людьми, ещё не знавшими, как это бывает, уже ненавидевшими новую власть и за гибель страны, и за стремительное падение в нищету, но выросшими в СССР и ещё не представлявшими, что новая власть способна применить силу против безоружных.

Да ничто и не предвещало беды. День был воскресный, слегка морозный, редкие мелкие и колючеватые снежинки даже не падали, а едва шевелились в воздухе, настолько лёгкие, что сила земного притяжения не могла преодолеть сопротивление воздуха...

Юля была в зимнем пальто с рыжеватым искусственным мехом, а Андрей – в куртке с высоким воротником. В своей среде они уже как бы официально считались женихом и невестой и не вызывали по этому поводу смешков.

Высокая и строгая, стояла за ними Матрёна Петровна в своём длинном полушубке – видимо, по случаю праздника Ане на рынке придётся обойтись курточкой на «рыбьем меху». Двадцать третье февраля не просто было у неё рабочим днём – по случаю праздников ожидался более активный приток покупателей...

Перед демонстрантами выстроилась плотная чёрная стена ОМОНа – стена сильных, молодых, чужих, прижатых друг к другу локтями.

– Граждане, разойдитесь, акция не согласована, – взывал милицейский мегафон, но голос его тонул в толпе единомышленников, прибывавших из метро, ощущавших единство духа и наполнявших этим единством воздух. И для молодых парней и девчонок, глотавших воздух и снежинки улицы Горького, эти слова ещё ничего не значили.

Колонна строилась клином, сужаясь в сторону центра – шествие должно было идти к Могиле Неизвестного Солдата.

Путь колонны преграждала первая милицейская цепочка, словно нарочно, редкая, из неопытных срочников.

Колонна напирала вперёд, и вряд ли кто мог, даже при желании, остановить эту силу...

– Фа-шизм не прой-дёт! – грянула колонна.

Матрёна набрала в лёгкие холодного воздуха вместе с острыми обжигающими снежинками.

«Фашизм не прой-дёт!»...

На мгновение – на десятую долю секунды, не дольше – прикрыв глаза, Матрёна увидела высокий берег Припяти, и декабрь сорок третьего, и молодую Алёну в белом платке – Алёну, от которой она узнала о гибели любимого...

Потому что не верила и ждала...

С Алёной она потом переписывалась – до сих пор, уже почти пятьдесят лет. Алёна жила в Киеве, родила и вырастила сына и дочку. Дочка её в конце семидесятых вышла замуж за

студента из Львова, уехала к нему, и в восемьдесят третьем, в один день с Артёмкой Зайцевым, родился их сынок – Михайлик Грицай...

...Прикрывая глаза ресницами, Матрёна видела – и годы не стирали это мучительное видение – как конвоиры вели к обрыву окровавленного человека.

Как он шёл, подняв голову и – может быть – среди согнанной толпы искал взглядом Незабудку. Наверное. Нет, не наверное, а точно. Она спрашивала у Алёны – как это ни было больно – и Алёна рассказывала ей так, как она запомнила, как он стоял к обрыву спиной, и как он улыбнулся людям...

«Да здравствует Ста...» – залпы немецких винтовок оборвали крик.

Незабудка...

Но у Незабудки было другое задание, и она опоздала... На две или три недели. Она шла, она пришла к нему, она нашла его, но было поздно.

«На этом месте в ноябре 1943 года казнён немецко-фашистскими захватчиками советский патриот Черняев В.М.»

И вновь слёзы наворачивались на глаза, но не было её имени на обелиске – Матрёна вновь и вновь кусала губы и оставалась в мире живых, а её любимый – нет...

С тех пор прошло сорок восемь лет – много это или мало? Это жизнь... И кто может запретить любить человека, которого сорок восемь лет нет на Земле?

Матрёна приезжала туда каждый год, на Девятое мая. Когда удавалось – то и чаще. И даже чаще в другие дни, потому что в праздник приходили школьники, приходили делегации, и у неё не было возможности присесть тихо у краснозвёздной пирамидки и поговорить наедине с любимым...

«Здравствуй, Витенька, вот я и пришла к тебе...»

Тихо качались ветви, день за днём, год за годом клонясь к ногам тридцатилетней, сорокалетней, пятидесятилетней женщины.

В год своего шестидесятилетия Матрёна впервые не смогла приехать на День Победы на могилу Виктора Черняева на высоком берегу Припяти – в тот год случилась радиационная катастрофа, и зону отчуждения закрыли для въезда...

Но она должна была... Должна была вернуться к Витеньке...

Она вернётся. С тех пор прошло всего лишь сорок восемь лет. Разве ж это много?

«Фа-шизм не прой-дёт!» – выдохнула колонна.

– Фашизм не прой-дёт!» – громко и чётко произнесла сквозь морозный воздух Матрёна Ермишина за секунду до того, как на первые ряды демонстрантов обрушились дубинки ОМОНа.

* * *

После разгона демонстрации Николай Зайцев в одиночестве пил дешёвую водку.

На следующий день ему нужно было идти на работу, и в былые времена его бы, конечно, уволили за прогул, не явись он на работу вовремя с похмелья. Но вечером двадцать третьего февраля он пил рюмку за рюмкой, не опасаясь последствий на работе.

Завод стоял, заказов не было, и тем более не было заказов на опытно-конструкторские разработки, которыми занимался Николай. Зарплату за январь не заплатили, пообещав выдать позже. Люди угрюмо промолчали – на дворе стоял девяносто второй год, и невыплаты зарплат ещё не вошли в жизнь привычным элементом. Всё ещё было в новинку, в том числе и то, что заработанные деньги могут выдать через шесть-восемь месяцев, когда на них едва можно будет купить батон хлеба.

С марта завод переходил на четырёхдневную рабочую неделю, в дальнейшем начальство обещало и трёхдневную.

Николай осоловело смотрел на дно пустого стакана. Потянувшись, он опрокинул бутылку, и кристальная струя полилась по стеклянным граням.

В такие минуты он никого не хотел видеть – даже жену и дочь. Он пил один, топя в ядрёной жидкости беспросветную тоску. В прошлой жизни он любил работу, но прошлая жизнь кончилась, завод медленно умирал – это ещё не было заметно постороннему взгляду, но это чувствовал Николай, отдавший заводу двадцать лет жизни и искренне любивший его и понимавший. После победы демократов он шёл на митинги с надеждой – что вот сейчас, сейчас наши возьмут Кремль, и всё вернётся на круги своя – но с каждым новым митингом, завершавшимся лишь грозными негодующими резолюциями в адрес новой власти, надежда таяла, митинг заканчивался, дочь уходила общаться с женихом и друзьями, а Николай вновь и вновь находил утешение в бутылке...

* * *

Встречать Анну Ермишину из роддома было некому.

Мужа у неё не было, любовник давно забыл о ней думать, а отцу Анны в далёкой Уфе летом 1992 года, как раз в день рождения её дочери вынесли приговор – шесть лет лишения свободы.

Советского Союза больше не было, и никого не интересовало его наследие, в том числе и такое.

Взяв на руки новорожденную девочку, перевязанную розовой ленточкой, Аня спустилась со ступенек больницы.

Она растерянно огляделась, словно не узнавая города, и сделала ещё один шаг, когда кто-то негромко позвал её по имени.

– Аня, Вы разрешите Вам помочь?

Она с полминуты вспоминала, где видела этого парня с огромным букетом цветов, пока не сообразила – это же комсомолец Сергей, из Юлькиной компании, который ещё осенью спрашивал у неё дорогу.

– Аня, я заказал такси, я отвезу Вас домой, – И видя, что она ещё колеблется, добавил, – Вы не беспокойтесь, такси оплачено. Я просто хочу Вам помочь. Если Вы, конечно, не возражаете.

Она сомневалась ещё несколько секунд и махнула рукой:

– Хорошо, поедemте!

* * *

«Прости меня, мама.

Мама, я теперь живу на Украине и работаю на шахте.

Я женился на хорошей женщине, на пять лет старше меня, и взял её фамилию, у нас с ней хорошая семья и будет ребёнок.

Не беспокойся за меня, мама, у меня всё в порядке.

Только прости меня. Когда-нибудь.

Прости меня, мама, но я никогда не отправлю это письмо. И даже никогда не доверю его бумаге.

Твой сын Юозас».

Глава десятая

Год 1993. Весна

Струи дождя стремительно хлынули из-под внезапно налетевших туч, окатив холодным душем застигнутых врасплох людей, неготовых к разгулу стихии, которые бросились под спасительные козырьки магазинов и остановок, шлёпая подошвами по холодным лужам на асфальте и несущимся к канализационным решёткам потокам ручьёв.

Над крышами многоэтажек засверкали сполохи первых апрельских молний, спустя несколько секунд звучно отозвавшихся раскатами грома.

Сочной влажностью наполнялся воздух. Потоки воды стекали вниз по секциям бетонного забора вокруг замороженной стройки через дорогу от магазина, по яркому глянцевому плакату «Да-Да-Нет-Да» с оторванным углом, по щитам с рекламой чекового инвестиционного фонда, по выцветшим, пережившим две зимы ровным крупным буквам «ЕЛЬЦИН – ДА!» на этом заборе и по двум свежим, этого года, маленьким буквам «ИУ», втиснутым после тире...

Прикрывая химическую завивку свежим номером «Московского комсомольца», на крыльцо универсама тяжело взбежала женщина средних лет.

– Здравствуйте, тётъ Зин! – поприветствовала её девушка в ветровке с капюшоном.

– Здравствуй, Юля, – ответила та, – как живёте-то?

– Да как обычно, – пожала плечами Юлька, – Ира-то не пишет? Всё никак не поинтересуюсь...

Иркина мать сникла, опустив взгляд вниз, к каменным ступеням, на которые ветром заносило неровные капли дождя.

– Ни строчки, – произнесла она тихо, выдавливая слова из губ, – совсем, видать, забыла про нас Ирочка...

Юлька тактично промолчала – да ей и самой хотелось верить, что Ирке, увлечённой круговоротом заграничной жизни, просто недосуг послать весточку домой.

– Ты-то как живёшь? – спросила женщина после минутной паузы. – Учишься? Замуж не вышла ещё?

– Второй курс заканчиваю, – кивнула Юля. – А замуж пока нет, пока не думали, может, позже...

– Ну и дай вам бог счастья с твоим-то, – вздохнула Зинаида, – а Аня-то как? Я её вижу иногда с коляской. Дочку же Надя зовут? Ей уж сколько – полгода, наверное?

– Восемь месяцев.

– Да, быстро растут чужие дети, кажется, вчера только с роддома привезли... – в её голосе задрожала тоска по собственной единственной дочери, упорхнувшей на чужбину и забывающей даже писать, и Юлька не знала, что ей ответить.

– Аня ж тоже в институт поступила в один год со мной, – невпопад сказала она. – Первую сессию она ещё сдала кое-как, хотя уже подрабатывала, а со второй ушла рожать в академический отпуск. Сейчас, может, восстановится через месяц, хотя мне кажется, не будет она дальше учиться. У них совсем денег нет. Бабке зарплату задерживают в библиотеке, вот вроде за декабрь только дали, пенсию тоже, не протянут они втроем на бабкины доходы. Если только Серёга... – она пожала плечами, – да ведь и он не из богатеньких, я давно его знаю.

– А что Серёга-то этот? – спросила Зинаида, – серьёзно у них с Аней или как?

– Да нет, – Юлька скривилась, – он за ней ходит, но не более того. Анька всё по своему буржуйчику сохнет. Он поигрался и бросил, а она, дура, влюбилась. Вроде неплохая ж девчонка, а мозгов нет. Серёгу даже жалко. Он за ней, как пришипленный, каждый вечер, и туда,

и сюда, и с ребёнком погулять, и на двух работах вкальвывает, чтоб ей помочь, а она... эх... – девушка безнадежно махнула рукой.

Они помолчали ещё несколько минут. Струи воды продолжали равномерно колотить по лужам. Гром снова раскатился над крышами домов. Дождь явно не собирался стихать.

В проёме между секциями забора мелькнула рыжая копна мальчишеских волос – в сезон, когда дети не носили шапки, Мишкина голова была хорошо заметна издали.

Через несколько секунд из дыры в заборе появился долговязый рыжий Мишка, за ним Артём, а следом ещё несколько пацанов – они побежали в сторону гаражей, и дождь хлестал по их спинам.

– Тёмка! – крикнула Юля через дорогу. – Я тебе дам по стройкам лазить!

Артём на мгновение остановился, чтобы развернуться и показать старшей сестре язык, и тут же бросился догонять Мишку.

– Совсем от рук отбился, – сказала Юля, – никого не слушает.

– Мальчишки, возраст у них такой хулиганистый, – пояснила, вздыхая, Зинаида, – сейчас бы самое время, чтобы отец учил уму-разуму, потом поздно будет, сами с матерью не справитесь... Отец-то как? – спросила она. – Пьёт? Или на митинги ходит? Работает или как?

– Угу, – подтвердила девушка, – временами. И пьёт, и работает, и на митинги ходит. Когда как. Когда есть работа – работает, когда большие митинги – приходит, а когда ни того ни другого – не выдерживает и пьёт. Так вот, – добавила она, словно извиняясь.

– А митинги-то часто сейчас? – уточнила соседка.

– Теперь-то только первого мая крупная демонстрация...

– Ну да, – ответила Зинаида, и Юля не совсем поняла, что именно собеседница имела в виду, – а голосовать-то пойдёте? – спросила она, кивком головы указывая на мокрый плакат, который порывом ветра прибило к стене.

– Конечно, – Юля даже удивилась такому странному вопросу – не только в их подъезде или в соседних, но и во всём микрорайоне её и Андрея знали как политических активистов, приносивших свежие листовки и газеты. – Как же без нас-то?

– А то ж приходишь домой, только включишь телевизор – ладно бы реклама, к ней привыкли уже, а то кругом Да-Да-Нет-Да, даже «Санта-Барбару» нормально не посмотришь, а сейчас новый мексиканский сериал запустили, «Просто Мария» называется... Там такая история, такая история, ну почти как про нашу Аню...

В сериалах Юля не разбиралась, и ей мгновенно стало безумно скучно. Похождения Марии, Виктора, Хуана Карлоса и прочих Марианн навевали на неё смертную тоску. Хуже могли быть только выступления демократов, рассказывавших о прелестях рыночной экономики и звучно жевавших слово «тоталитаризм».

– Ладно, пойду я, тётя Зин, вроде и дождь заканчивается...

– Ты погоди, – женщина легонько взяла её за рукав ветровки, – ты разбираешься, ты скажи, как голосовать-то?

– А то не знаете, тётя Зина? – рассмеялась Юля доброжелательно и почти весело, – послушайте рекламу и сделайте наоборот. Стало быть, «Нет-Нет-Да-Нет». Как же ещё?

Дождь прекратился так же внезапно, как и начался.

Девушка вышла из-под козырька под последние капли дождя и остановилась.

От палатки к остановке шёл Николай Зайцев.

Завидев дочь, он едва заметным движением скрыл под куртку бутылку «Рояля», только что купленную в ларьке.

Юлька сделала вид, что не видела этого жеста.

* * *

Совещание на Петровке было посвящено обеспечению безопасности завтрашнего Первомая. Незнакомый Белякову полковник МВД говорил много ничего не значащих фраз о готовящихся провокациях со стороны красно-коричневых в свете вышедшего накануне президентского указа о запрете массовых мероприятий на Красной площади, и это Виктору Белякову не понравилось – он считал себя вне политики и ожидал чёткой постановки задачи, а не пропагандистской мишуры.

Вид у полковника был помятый, лицо красное и как будто с похмелья, и капитан Беляков не мог отделаться от мысли, что мимикой и манерами он напоминает Ельцина.

Но самое главное полковник сказал в конце. Обведя тяжёлым взглядом присутствующих офицеров, он достал из кармана и продемонстрировал ярко-оранжевый жетон.

– Все видели? – спросил полковник уже совсем по-ельцински и продолжил, – Завтра, первого мая, с девяти утра и до окончания мероприятий, такие жетоны будут у сотрудников, выполняющих специальные функции. Каждый милиционер должен оказывать содействие предъявителям жетона. И разумеется, никто не имеет права предъявителей задерживать или вообще как-то им препятствовать. Всё ясно? Вопросы есть?

– Есть, – отозвался вдруг незнакомый Белякову молоденький лейтенант с тонкой, почти девичьей шеей, неуклюже торчавшей из форменного воротника, – что следует делать в случае нарушения порядка со стороны этих... предъявителей?

– Повторяю, – с назиданием ответил краснолицый полковник, – никто не имеет права препятствовать любым действиям предъявителей жетонов. Подчёркиваю – никто. Сказано же – выполняют специальные функции. Ещё вопросы есть?

Больше вопросов не было, но Беляков, да похоже, и не он один, не мог отделаться от мысли, что провокации завтра действительно готовятся, но отнюдь не со стороны «красно-коричневых»...

Впрочем, ждать оставалось недолго – меньше суток.

Наутро Белякову предстояло дежурить в оцеплении на Ленинском проспекте, на единственном направлении, куда оставался свободным проход с Октябрьской площади. Со всех остальных сторон площадь была блокирована с ночи ОМОНОм и тяжёлой техникой.

Когда совсем рассвело, подразделение Белякова заняло отведённый ему участок на Ленинском. Рядом с ним оказался тот самый молодой лейтенант, который вчера на совещании задавал ненужные вопросы.

Нутром чувствуя неладное – всё-таки он не первый год служил в милиции – Беляков в глубине души надеялся, что, раз уж его поставили на второстепенное направление, на единственный проспект, ведущий с площади в сторону от центра, а именно к центру, к Красной площади ожидался прорыв «красно-коричневых» – то бог даст, пронесёт, и если уж суждено пролиться в этот день крови, то хотя бы не здесь...

– Зовут тебя как? – тихо спросил он лейтенанта.

– Володя, – ответил тот.

– Ну что ж, Володя, будем надеяться, сегодня пронесёт...

А из головы у него не выходило предупреждение о людях с оранжевыми жетонами, и начинал понимать Виктор Беляков, что опасность исходит именно от них, что будь сегодня просто драка на митинге – не первая, что ж, и не последняя, а вот если задумано что-то серьёзное...

Беляков хрустнул костяшками пальцев.

...А народ всё прибывал.

Октябрьская площадь заполнялась людьми – точь-в-точь как полтора года назад, на то памятное седьмое ноября – именно этот день пришёл на ум Юльке Зайцевой, когда она поняла, а скорее почувствовала, что что-то идёт не так.

...Лидеры демонстрации оказались перед тяжёлым выбором.

Толпа была обозлена и настроена на прорыв к центру – но это однозначно означало бы кровь, взять ответственность за которую было некому.

И людской клин устремился вперёд по пути наименьшего сопротивления – на единственную не перегороженную милицейскими кордонами магистраль.

На Ленинский проспект.

...Увидев голову колонны, Беляков понял – не пронесло.

Но намного страшнее ему стало через несколько секунд, когда перед ним возник человек с ничего не выражающим взглядом и оранжевым жетоном в руке – таким же, какой демонстрировал на совещании полковник.

– Пропустите к грузовикам, – холодно приказал Белякову уверенный в своём превосходстве и в праве командовать Марк Калныньш.

И тому ничего не оставалось, кроме как подчиниться, хотя смысла в этом приказе он не видел – ведь грузовики стояли пустые, без шофёров...

Но Калныньш знал, куда шёл.

Отфиксировав нужную машину, он спокойно взялся за дверную ручку кабины – дверь была незаперта. Ключи зажигания тоже остались в замке. На этот раз агентура сработала на «отлично», удовлетворённо подумал Калныньш, поднимаясь в кабину тяжёлого «Урала».

А колонна приближалась, от её первых рядов до цепи оставались считанные десятки метров, и сгорали последние сомнения – схватка неизбежна.

В зеркале заднего вида мелькнуло молодое сосредоточенное лицо под фуражкой...

«Пора!»

За пару секунд до соприкосновения Калныньш отвёл рычаг назад до упора, отпустил сцепление и выдал педаль газа.

Колёса тяжело дрогнули, и махина устремилась назад – прямо на стоявшего спиной и не успевшего отскочить, но успевшего закричать лейтенанта милиции, прижатого к углу кузова следующего грузовика...

– Сука!!! – выдохнул Беляков, бросаясь к выбирающемуся из кабины человеку, пока выла сирена, пробиралась к месту происшествия дежурная «скорая», и кто-то пытался оказать первую помощь пострадавшему, а в метре от него дубинки разозлённых омоновцев уже крушили ряды манифестантов, – ты зачем человека переехал, тварь!!!

Ему удалось ухватить провокатора за рукав, но тот обернулся без малейшей суеты и спешки и гордо продемонстрировал Белякову жетон.

– Ты что ж, гадёныш, делаешь... – начал было Виктор.

– Молчи, капитан, – ответил Калныньш, мягко высвобождаясь из рук не посмевшего ему препятствовать Белякова, – тебе всё объяснило начальство. Я свою работу сделал – теперь твоя работа, не зевай, вон красно-коричневые теснят.

Освободившейся рукой Калныньш взял капитана за плечо, и через секунду он был уже за рядами милицейских машин.

Беляков с отчаянной злостью сжал зубы – до скрипа, оборачиваясь и видя, как санитары уносят раненого на носилках в машину скорой помощи.

* * *

Первомайским вечером Анна хлопотала на кухне. Маленькая Надя ползала на четвереньках по полу, посреди разбросанных игрушек. Матрёна задерживалась с митинга, отца и дочери

Зайцевых тоже не было дома, и это был повод для беспокойства – по всем каналам показывали беспорядки на Ленинском проспекте.

Звонок в дверь раздался около семи часов вечера. На пороге стояла Матрёна Петровна. Её рассечённая омоновской дубинкой голова была уже обработана зелёнкой в травмпункте. За руки её поддерживали Николай Зайцев и Юлькин жених Андрей.

– Что же это такое? – всплеснула руками Аня.

– Ваша хвалёная демократия, привыкайте, – хрипло ответила старуха.

* * *

В паре сотен метров за школой, укрытые металлическими стенами гаражей от бдительных взоров родителей и учителей, тайком курили после уроков третьеклассники.

Сегодня звездой был Тёмка – его слушали все, о драке на митинге он рассказывал из первых уст, зная о случившемся от присутствовавших на площади отца, сестры и соседки, хотя мог, конечно, и присочинить от себя.

– Ну вы как хотите, – закончил Артём, – а уж на следующую войнушку я точно сбегу! Иначе так всё интересное без нас закончится.

– Думаешь, один такой самый крутой? – возмутился долговязый рыжий Мишка. – Я тоже пойду. Вот схлопнуть мне на этом месте! Ты только скажи – когда войнушка-то будет? Твоя сеструха в курсе должна быть.

– У нас дома говорят, что девятого мая должна быть драка, – поделился Артём, – так что готовься, уже скоро!

...Однако, вопреки прогнозам, День Победы в 1993 году прошёл без происшествий. На улицы под красными знамёнами вышли сотни тысяч людей, обозлённых первомайским побоищем и жаждавших реванша. Но в этот раз милиция демонстрантам не препятствовала, в том числе и в прохождении на Красную площадь.

Никто не знал, что это было в последний раз.

Весь день Тёмка провёл с Мишкой на празднике и вернулся, полный впечатлений, но в то же время со смешанными чувствами. Мальчик был поражён огромной массой людей – да и выглядело всё вживую совсем не так, как по телевизору. С другой стороны – рассчитывали мальчишки, конечно, на большее.

В толпе Артёму удалось не попасться на глаза родственникам, и о его поездке на демонстрацию никто не узнал – иначе ему бы, конечно, серьёзно влетело от отца и матери.

Отшумело-отзвенело яблочное лето. В конце августа Юля Зайцева и Андрей Анисимов подали заявление в ЗАГС. Свадьба была назначена на субботу, девятое октября.

А в начале осени пришло письмо от Ирки.

Пришло не матери – Анне.

И девушка не знала, что ей делать с таким письмом.

Сразу после свадьбы и приезда в Швейцарию, писала Ира, новоиспечённый супруг запер её в четырёх стенах, отобрал паспорт и превратил в домашнюю рабыню, бил за провинности и заставлял участвовать в оргиях с его знакомыми. Иркиному мужу принадлежал трёхэтажный частный дом в сельской местности, почти что замок, превратившийся для девушки в тюрьму. Она умоляла Аню и всех, кто её помнит, найти способ вытащить её оттуда и вернуться домой.

Аня поняла, что это было не первое письмо в Россию, которое Ира пыталась отправить за полтора года, но первое дошедшее до адресата.

Письмо подружки настолько разительно отличалось от общепринятых представлений о красивой жизни за границей, почерпнутых в основном из фильмов типа «Интердевочки», что Аня сомневалась, стоит ли вообще показывать тётке Зинаиде это письмо – помочь она вряд ли сможет, не лучше ли ей оставаться в счастливом неведении, стоит ли отнимать у неё надежду?

В конце концов она решила посоветоваться с Юлькой.

...Дверь Ане открыл Тёмка. Вся семья Зайцевых сидела у телевизора, где во весь экран что-то читал по бумажке Ельцин.

– Привет! – радостно крикнул с порога Артём. – Ты уже в курсе? Новая войнушка начинается!

– Какая войнушка? – не поняла Аня. – Мне вообще с твоей сестрой поговорить надо.

«До начала работы нового двухпалатного парламента Российской Федерации – Федерального Собрания Российской Федерации – и принятия им на себя соответствующих полномочий руководствоваться указами Президента и постановлениями Правительства Российской Федерации, – читала говорящая голова на экране. – Конституция Российской Федерации, законодательство Российской Федерации и субъектов Российской Федерации продолжают действовать в части, не противоречащей настоящему Указу...»

– Это что же, переворот? – не поняла Аня.

– Войнушка! – торжественно уточнил Артём.

* * *

В Москву, в Москву, в Москву... Стучат колёса плацкартных вагонов по стальным рельсам. По городам и весям стоят заводы, разрушается производство, и не так уж сложно взять отпуск за свой счёт и устремиться туда, где решается в эти дни судьба страны – в столицу. Стучат колёса, стучат, а на верхней полке не спится Антону Стригункову, всё он ворочается с боку на бок под клетчатый поездный одеялом, и роятся мысли в сентябрьской ночи... Транспорт пока ещё ходит. Ходят поезда, ходят междугородние автобусы, которые порой пассажиры предпочитают поездам – кто из-за дешевизны, кто по другим причинам. Подпрыгивая на ухабах, ползёт по разорванной железными клещами таможен стране старенький автобус Донецк-Москва. Большая часть пассажиров – торговцы с баулами. В Москве конституционный кризис, а торговля идёт своим чередом – война войной, а обед по расписанию.

Автобус долго стоит на границе, где сонные пограничники проверяют документы и вещи пассажиров, придираясь к торговцам.

За торговцами проходит молодой работяга с ранней сединой в волосах, практически без вещей, да и не похож он на торговца. Пограничник берёт из мозолистой руки шахтёра советский паспорт с вкладышем гражданина Украины.

– Цель въезда в Российскую Федерацию?

– К родстфенникам.

– Проходите.

Глава одиннадцатая

Когда Дом Советов оказался в блокаде, майор Стригунков, в числе других офицеров запаса вносивший в нестройные ряды восставших элемент порядка и организации, создал группу из молодых людей, имевших опыт в спелеологии, для действий под землёй и связи с внешним миром через коммуникации.

Полагаясь только на свою интуицию, Антон Александрович принял в отряд крепкого молодого парня из Донбасса по имени Юра, в пещерах никогда не бывавшего, но в мирной жизни работавшего шахтёром. Поэтому Стригунков был уверен, что он сможет ориентироваться под землёй и не будет испытывать страха перед замкнутым пространством.

Расположившихся по соседству казаков насторожило украинское гражданство новичка в сочетании с резким прибалтийским акцентом, а особенно то, что никто в московских оппозиционных кругах его не знал и не мог поручиться. Антона это не остановило. Для проверки он вручил новенькому фонарь и поручил разведку ходов, которые были уже известны, и нескольких ответвлений, куда ещё не ходили группы.

Парень надел шахтёрскую каску, ушёл в темноту и вернулся часа через четыре.

– Затание фыполнено, тофарищ комантир! – доложил он, вскинув ладонь к каске.

Стригунков проверил нарисованную им схему и удовлетворённо кивнул.

– Хорошо, Юра. Можешь идти отдыхать.

– Я не устал, тофарищ комантир.

– Иди. Завтра будет много работы.

Глядя на упорного неразговорчивого парня, мгновенно уснувшего на расстеленном на паркетном полу бушлате, Стригунков думал, что у него, наверное, есть какой-то личный счёт к демократам. Не иначе.

Но долго поспать Юозасу не удалось. Через несколько часов Стригункова вызвали к одному из руководителей обороны здания, в котором были отключены телефоны, и засыпали срочными заданиями по связи с активистами, находившимися в городе и организовывавшими ежедневные акции протеста.

Антон Александрович собрал пятёрку бойцов-спелеологов, в которую включил и новичка, и распределил полученные задания.

Один за другим ребята выходили из кабинета, и провожая, Стригунков каждому пожимал руку. Последним ушёл Юозас. Антон не хотел его будить, но тот проснулся сам.

– Я тоше пойту, – сказал он настойчиво.

– Ты же только вернулся, – сказал ему кто-то из спелеологов.

– Я толшен, – грустно, но решительно покачал головой шахтёр. Он почему-то никогда не улыбался, даже в минуты отдыха, когда пили холодный чай и травили анекдоты.

Сам Антон Александрович сидел за столом в кабинете какого-то сбежавшего депутата-демократа, и его одолевало не только беспокойство за бойцов (не наткнуться бы им где-нибудь на засаду! До сих пор ельцинисты не совались в подземные коммуникации, но всё когда-то случается впервые), но и недобрые мысли о судьбе восстания, которое как началось стихийно, так за целую неделю, несмотря на все усилия, и не вошло в упорядоченное русло. А ещё – почему его ребятам, выполняющим одну из наиболее опасных миссий по связи блокированного Дома с внешним миром, не дают оружия... Антон-то точно знал, что оружие в распоряжении руководителей восстания есть...

* * *

Митинги шли каждый день, а после того, как двадцать восьмого сентября у метро «Баррикадная» ОМОН избил безоружных манифестантов, и пролилась первая кровь – они приняли особенный накал. Столица бурлила с утра до вечера, протесты не стихали и в тёмное время суток.

В тот год необычно рано, в конце двадцатых чисел сентября, шёл над Москвой первый снег, крупный и колючий.

В субботу, второго октября, с самого утра народ начал собираться на Смоленской площади. День был выходной, и людей ожидалось больше, чем в предыдущие дни.

Андрей Анисимов выходил из метро, крепко держа Юлю за руку – чем дальше, тем сильнее он боялся потерять её в толпе, а напряжённость нарастала не по дням, а по часам.

На площади было много знакомых и незнакомых лиц. Кто-то оживлённо переговаривался. На бордюре сидел мужчина с магнитофоном на коленях, и из динамика звучали советские песни, но гул толпы заглушал музыку. С Андреем и Юлей поздоровались несколько человек, видимо, встречавших их раньше на демонстрациях.

Посреди площади стоял слепой старик с тростью в руке и говорил грудным голосом, громко и отчётливо произнося слова, но не складывая их во фразы интонацией, словно читал по слогам, не обращая ни к кому из присутствующих:

– Прокляты. Все мы. Прокляты. Ибо отреклись. Мы. От права. Первородства. Как Исав. Продал. Брату. Иакову. За чечевичную. Похлёбку. Так и мы. Все. Русские. Советские. Продали. Себя. И отреклись. И прокляты. Продали. Мы. Своё. Право. Первородства. И прокляты. И будет. Так. Пока. Не искупим. Грех. Отречения.

Вокруг старика образовалось пустое пространство радиусом в несколько метров, его проповедь никто не слушал.

– Граждане! Разойдитесь! Ваш митинг не санкционирован! – надрывался милицейский мегафон.

Артём и Мишка наблюдали за происходящим с крыши жилого дома.

– Как думаешь, будут разгонять? – спросил Мишка.

– Будут, – со знанием дела ответил Тёмка. – Эх, наши бы ответили им как следует, да врезали бы ментам, как думаешь?

– Смотри, смотри... – прошептал вдруг его товарищ.

Сверху было хорошо видно, как колонна ОМОНа пришла в движение и стала насаждать на демонстрантов, тесня первые ряды.

«Эх, запустить бы в них чем-нибудь, хоть камнем», – подумал Артём, но камня под рукой не было, да и велика была опасность с такой высоты задеть своих, это мальчик понимал, хотя его попытки выцепить взглядом в толпе родных не увенчались успехом.

Он с отчаянием наблюдал, как серая масса ОМОНа всё больше теснит с площади пёстро-красную массу митингующих.

В ход пошли дубинки и водомёты, и толпа стала рассеиваться по близлежащим переулкам.

Андрей по-прежнему не выпускал Юлину руку, хотя и Николая, и Матрёну они давно потеряли из виду.

– Человека убили! – раздался истошный женский крик.

На площади в луже крови остался лежать старик, полчаса назад рассказывавший в пустоту об Исаве и Иакове.

Но что это? С криком «Ура!» люди, прижатые к трибуне, подготовленной к празднованию пятисотлетию Арбата, перешли в наступление на серых.

Вырывая с мясом элементы конструкции, обозлённые люди дрались отчаянно – когда-то настанет предел, и он настал. Их били два года, и вот впервые они дали отпор противнику, и противник впервые попятился назад. И побежал.

Юозас, несколько часов назад вышедший через люк на поверхность, оказался в первых рядах той группы, которая дала бой ельцинскому ОМОНу. В камуфляже и каске, грязный и обросший, он прорубал себе дорогу невесть где добытым куском арматуры, и следующие бойцы уже строились за его спиной... Справа от Юозаса рубился Николай, такой же сильный, отчаянный и трезвый. И русское солнце светило им с высоты, прорвавшись сквозь рой серо-снежных облаков.

– Ура!!! Наши!!! – кричал на крыше Артём, колотя кулаками по коленям и уже совершенно не боясь быть обнаруженным работниками ЖЭКа. И уже разноцветная, с алыми вкраплениями флагов и транспарантов, масса теснила серую, бежавшую прочь, бросая на поле боя дубинки и щиты...

* * *

Воодушевлённые первым успехом, многие гуляли допоздна, а кое-кто едва не проспал воскресный сбор на Октябрьской площади – ведь акция третьего октября была заявлена, как положено по законодательству, за две недели, ещё до приснопамятного указа 1400, и протестное шествие планировалось задолго до событий, ещё с лета...

Но даже те, кто, пожалуй, колебался, стоит ли принимать участие в очередной массовой демонстрации, вышли в тот день на Октябрьскую, куда выплеснулся гнев ограбленных и обездоленных...

И когда прозвучали первые призывы идти к Дому Советов, на прорыв блокады – после вчерашней-то победы – стоило ли сомневаться, что сила и энергия собравшихся устремится именно туда?

И толпа хлынула на Крымский мост, и молоденькие милиционеры из жидкого оцепления бросились назад, к «Парку культуры», и женщины-демонстрантки закрыли лица руками – им показалось, что кто-то из мальчишек в серой форме уже падает в осеннюю воду – но нет, слава богу, показалось.

Милиция более не препятствовала движению колонны – но в нескольких десятках метров от её начала ещё об этом не знали.

Они шли все вместе – Юлька, её отец, Андрей, Сергей, Матрёна Петровна...

Именно в колонне Юля и Андрей познакомились с крепким шепелявым парнем, сжимавшим в кулаке кусок арматуры и утверждавшим, что он из Дома Советов.

– Ты пыла вчера? – спрашивал он и довольно кивал, получив утвердительный ответ. – Я тоше пыл. Сефотня тоше. Мало. Ух, темократическая сфолочь!

На этом месте стоило бы улыбнуться рассказывавшему о вчерашних подвигах, но он не улыбался, а только рвался в новый бой и даже будто немножко сожалел, что кордоны на Крымском мосту удалось так легко прорвать.

А позади уже пели – шедшие от Крымского моста к Пресне уже праздновали победу.

И настроение праздника ещё долго не покидало собравшихся, заполонивших освобождённую площадь у Дома Советов.

Шёл импровизированный митинг, строились колонны для штурма мэрии и особенно ненавистного телецентра Останкино – а большая часть демонстрантов продолжала гулять и петь.

Зайцевы решили остаться с основной массой, у Дома Советов.

Вечер исподтишка напознал на Москву.

* * *

Костры горели в темноте вдоль Дружинниковской улицы. У костров сидели люди с усталыми или возбуждёнными лицами – везде по-разному.

Но возле костров шли дискуссии, а где-то и пели песни.

Юозас вышел из метро, и никто ему не препятствовал – словно власть в городе действительно не принадлежала никому.

Но он шёл к своему командиру – и, получив от него инструкции, отправился их выполнять.

У первого костра он увидел знакомых девушку и молодого человека – они познакомились сегодня в колонне, во время прорыва, на Крымском мосту.

– Юра, ты? – спросила она.

– Я, – кивнул он, – ухотите.

Юлька устремила на него непонимающий взгляд.

– Ухотите, – повторил Юозас. – Я только что из Останкино. Всё плёхо. Ф городе ферные Ельцину фойска. Ф Останкино расстреляли наших. Армия за Ельцина. Ухотите томой.

Николай поднялся на ноги, но Юлю ещё терзали сомнения.

– Ты уверен? – спросила она.

– Та. Ухотите. Так нато. – Он запнулся, подбирая слова. – Нам не тают оружие.

– А оно есть? – с недоверием спросила девушка.

– Та, – невозмутимо подтвердил Юозас. – Много. В потфалах. Но они не хотят разтать оружие. Поэтому нушно ухотить. Остафаться – погипнуть напрасно.

– А ты сам почему не уходишь?

– Я толшен, – ответил он спокойно, кивнув на Дом Советов, впервые за последние дни светящийся огнями. – Они не ферят. Не поферили, что это всё... Они остаются. Значит, я с ними. Я толшен. Я ещё там нушен. А фы ухотите. Пошалуйста. Скоро откроется метро. Ухотите. Пошалуйста.

Юля колебалась ещё несколько секунд.

– Хорошо, – сказала она наконец, – мы пойдём. Как только откроется метро.

– Потошти, – вдруг окликнул её собеседник. – Мошно тфой телефон? Пошалуйста. На всякий случай. У меня никофо польше нет ф Москфе.

– Конечно, – отозвалась девушка, – записывай...

– Спасипо, – ответил Юозас, – я тепе опязательно позфоню. Если останушь шифой.

...Николай, Юля, Андрей и Матрёна Петровна зашли в метро, как только оно открылось, и были дома около половины седьмого утра четвёртого октября.

Окно горело всю ночь – Ольга Алексеевна не спала.

Скрипнул ключ в замке.

– Слава богу! – всплеснула руками Ольга. – и, осмотрев мужа и стоящих за его спиной дочь и её друга, продолжила упавшим голосом, – Коля, а где же Артём? Разве он был не с вами?

– Его вообще не было с нами, – удивлённо ответил Николай, – я думал, он дома...

– К... как не было? – в ужасе произнесла побледневшая мать.

...Искать Артёма поехали те, кого не было в центре в воскресенье – Ольга и Аня Ермишина. Участникам вчерашних событий было лучше остаться дома – общим решением двух квартир стало не подвергать опасности ещё и их.

Центральные станции метро были закрыты, и чтобы попасть в район Красной Пресни, женщинам пришлось потратить несколько часов.

С автомата на Новом Арбате Ольга звонила домой, пытаясь перекрычать доносившуюся со стороны Пресни канонаду. Но дома Артём не появлялся.

Зеваки толпились на Смоленской набережной – это была ближайшая точка, куда можно было пройти, минуя кордоны ОМОНа и внутренних войск.

А на мосту стояли танки, направив орудия на здание, где уже горели верхние этажи.

Аня подобное видела только в кино.

На парапет набережной влез высокий парень с бутылкой шампанского в руке.

– Ура! – надрывно крикнул до боли знакомый голос. – Залп!

Одновременно с заложившим уши выстрелом орудия из бутылки вылетела пробка и, описав в воздухе дугу, исчезла в серой воде Москвы-реки. Зритель был уже выпивший, его качнуло в сторону, но он, с трудом удерживая равновесие, спрыгнул на асфальт, однако бутылку из руки не выпустил и опрокинул себе в рот пенистую жидкость.

Они не виделись два года, но Аню словно ударило током.

– Максим... – растерянно произнесла она вслух.

Отец её дочери обернулся, но сделал вид, что не узнал её.

– Давай следующий залп! – уже визжал он, обращаясь к не слышавшим его танкистам. –

Дави красно-коричневых, ау!..

Ближе гражданских не подпускала милиция.

– Пропустите!.. – кричала Ольга Алексеевна, пытаясь пробиться через кордон. – У меня ребёнок там!.. Ребёнок!.. Десять лет... Люди вы или кто?

Щиты ОМОНа оставались плотно сомкнутыми.

* * *

Артёма и Мишки не было в горящем Доме Советов.

Им удалось проникнуть внутрь во второй половине дня воскресенья, после прорыва блокады, в неразберихе всеобщего ликования.

Ближе к полуночи, когда гонцы принесли недобрую весть о расстреле в Останкино, мальчишек выдворил за территорию какой-то хмурый усатый мужик в камуфляже. Матерясь через слово, он выставил их на Дружинниковскую, строго велел двигать в метро и ехать по домам, и ушёл обратно.

Но они и не думали подчиняться. Оказавшись вновь предоставлены сами себе, ребята залезли на чердак одного из жилых домов. Первым сон сморил утомлённого впечатлениями Мишку, а через несколько минут засопел и Артём.

Утром друзей разбудила стрельба на улице.

Мишка высунулся было в чердачное окошко, но резко отпрянул назад.

– Тём, мне страшно, – зашептал он, – может, уйдём отсюда, а? Убежим куда-нибудь?

– Мне кажется, лучше остаться тут, – так же тихо ответил Артём, пытаясь унять мелкую дрожь, – на улице опаснее, не думаешь?

– Не, – покачал головой Мишка, – ты смотри, нам только на ту сторону дороги перебежать, а там куда-нибудь денемся, там много домов...

– Только на ту сторону перебежать... – повторил Артём, – ладно, уговорил. Пошли вниз.

И мальчишки начали потихоньку спускаться с чердака.

* * *

Год 1943. Август. Донбасс.

План убийства оберштурмбаннфюрера Келлера разрабатывал капитан госбезопасности Черняев, и держался он исключительно на дерзости нападения и факторе внезапности.

Часовых бойцы НКВД сняли бесшумно, ножами, и вошли в дом. В случае непредвиденных обстоятельств о них должна была предупредить Незабудка, но ничего неожиданного не случилось.

Короткий бой завязался на втором этаже особняка – оберштурмбаннфюрер успел схватиться за оружие, но ему это не помогло...

– Уходим, – скомандовал Черняев с лестницы, – без стрельбы не обошлось, переполошили весь город, сейчас подтянутся...

На балконе второго этажа стоял никем не замеченный сын Келлера и целился из пистолета в спину Виктору.

Увидела его Матрёнка.

Девушка выстрелила не целясь, поняла, что попала, но не насмерть, когда мальчишка заорал, падая и хватаясь за ногу...

– Уходим!..

Что было потом, как они уходили, Матрёнка запомнила плохо. Помнила, что они сутки скрывались в болоте, и до своих она добралась с двусторонним воспалением лёгких.

Несколько дней девушка находилась в бреду на грани жизни и смерти. Антибиотиков, за год до того появившихся в Советском Союзе, в отряде не было.

Когда Матрёнка пришла в сознание, Виктор уже ушёл на следующее задание. Партизаны рассказали, что он заходил к ней попрощаться.

– Кризис миновал, будешь жить, дочка, – сказал ей врач, – до ста лет будешь жить...

Так она и живёт с тех пор, может и до ста – как получится... А вот с Витенькой больше встретиться не довелось.

В тот день врезался ей в память диалог Виктора с бойцом по имени Тимофей.

– Зря щенка не добили, товарищ командир, – говорил ему боец.

– Да ладно, – махнул рукой Виктор, – может, ещё человеком вырастет.

– Фашистом он вырастет, – зло возражал Тимофей, – гадёныш он и есть гадёныш...

Немец, что с него взять.

– Немцы тоже разные бывают, – отвечал командир.

– Фашисты они и есть фашисты, – пробурчал боец.

– А как же Тельман? А Маркс и Энгельс? – спросил Черняев.

Тимофей не ответил. В Белоруссии у него оставалась семья, и он два года ничего о ней не знал.

* * *

Год 1993. 4 октября. Москва, Красная Пресня.

Арнольд Келлер сидел в крутящемся кресле в одном из зданий комплекса американского посольства, покачивая пальцами набалдашник трости и полуприкрыв глаза, так что непосвящённому наблюдателю могло показаться, что он дремлет. Но Калныныш, хорошо изучивший повадки шефа, знал, что тот внимательно слушает его доклад. Марка не могла обмануть расслабленная поза начальника, и он пытался по мимике губ Келлера угадать, доволен тот или нет, хотя и это удавалось далеко не всегда.

Келлеру исполнилось шестьдесят два года, но он был бодр, полон сил и на пенсию не собирался.

От канонады в здании дрожали стёкла, но оба они, начальник и подчинённый, слушали этот грохот, как слушают самую милую сердцу музыку.

...Снайперов Калныныш расставлял и инструктировал лично. Он сам ползал по крыше посольства, выбирая сектора обзора, и теперь стоял перед шефом в пыльном и измятом костюме – но в таких обстоятельствах это было не только простительно, но и похвально.

Снайперы были прожжёнными профессионалами – зная, что работать придётся по безоружным людям и работать так, чтобы удобнее было свалить жертвы на красно-коричневых, Марк с самого начала отбросил мысль привлечь, как он выражался, «дурачков» из числа националистических или демократических активистов.

...Перекрестье прицела скользило сквозь пространство между домами и деревьями и вдруг остановилось, отыскав подходящую мишень. Отточенным плавным движением палец нажал на спусковой крючок, и, пронзая тугой осенний воздух, пуля устремилась к назначенной ей человеком цели.

Глава двенадцатая

Артём не успел сообразить, что произошло. Он только инстинктивно сжался, услышав зловещий свист, которого уже не мог слышать Мишка. И крепко зажмурил глаза, и не увидел, как лучший друг споткнулся на ровном месте.

А когда раскрыл их вновь, Мишка лежал на асфальте и удивлённо смотрел в небо.

– Миш, вставай, пойдём, – позвал его Артём, – нам же только на ту сторону...

И не сразу осознав своим детским умом, что Мишка не встанет и никогда уже не добежит до противоположной стороны дороги, мальчик не подумал даже, что следующая пуля может догнать его здесь же, посреди мостовой – он опустился на корточки рядом с неподвижным Мишкой и заревел, громко, в голос, забыв о том, что ему целых десять лет, что он уже не малолетка, а боец, и что он уже пробовал курить...

Это продолжалось ещё несколько секунд, а потом чья-то сильная рука пребольно схватила Артёма за ухо, и, кроя трёхэтажным матом, капитан Беляков швырнул мальчишку в милицёрскую машину.

Он упал между сиденьями и, лёжа на полу, тихо и тонко всхлипывал, а над ним в это время кто-то кричал в рацию:

– Пацана застрелили, твою мать! Да х... знает, откуда он взялся! Малолетка! Второй у меня, потом разберёмся на х...

Горело вывернутое ухо, Артём кусал губы, а слёзы всё равно катились, и он не хотел верить, что уже никогда, совсем никогда рыжий Мишка не позовёт его на стройку или на площадку за гаражами, где можно курить, не опасаясь взрослых...

И он не верил в это до того самого момента, когда утром пятого октября в отделении милиции не спавший вторые сутки хмурый Беляков передал мальчика под расписку заплаканной Ольге Алексеевне.

Только тогда Артём понял, что это – не понарошку.

...Так рождалась ненависть.

* * *

Телефонный звонок в квартире Зайцевых раздался вечером пятого октября, незадолго до наступления комендантского часа, когда уже отгремела буря отцовского гнева, и наказанный Артём, стыдясь сам себя, украдкой ронял слезинки на страницы учебника по математике и клетчатой школьной тетради, а Николай хмуро уставился в экран телевизора с надрывающей дикторшей, опрокинув над стаканом пустую бутылку и выжимая из неё последние капли «Столичной».

Трубку взяла Юля.

– Прифет, – дрогнула акцентом мембрана, – я зфоню с автомата. Мошно к фам приехать?

– Юра, ты? – девушка искренне обрадовалась, что её новый знакомый объявился живым. – Конечно, приезжай. Ты успеешь до комендантского часа?

– Успею, – ответил Юозас. – Приету – всё расскашу. Спасипо.

Меньше чем через час гость, изрядно запыхавшийся и пропахший дымом костров – даже удивительно, как его в таком виде не задержали патрули – жадно глотал горячий чай за кухонным столом, покрытым клетчатой клеёнкой.

– Я фыфотил репят из Тома Софетов, – говорил он буднично, своим обычным спокойным тоном, – через коммуникации. Потом я не пошёл с ними, а поехал на автовокзал. Я хотел фзять билет на автобус на Тонецк, но билеты пыли только на тесьятое октяпря, – добавил он

извиняющимся тоном. – Мошно мне у фас переночевать? Хотя пы сефотня. На улице коментантский час...

– Что за вопрос, конечно! – ответила Юля и вдруг спохватилась, – А где ты сегодня-то ночевал?

– В теплотрассе, – ответил Юозас, – если я фас стесняю...

– Никого ты не стесняешь, – перебила его Ольга, – остаёшься у нас. Когда у тебя там билет? Десятого? Вот до десятого и остаёшься.

– Раньше нету автопуса, – виновато пояснил он.

– А если поездом? – спросила хозяйка и вдруг спохватилась. – Ты домой-то звонил?

– Зфонил, – кивнул он, словно не услышав первый вопрос, – сефотня с почты. Меня тома штут отиннадцатофо числа.

Накануне он действительно позвонил с автомата жене Ксюше, которая чуть было уже его не похоронила, глядя в телеэкранный экран на события в Москве.

– Это хорошо, – вздохнула Ольга, – родные-то на Украине?

– Та.

– Мы сначала решили, что ты из Прибалтики, – вставила Юля, – Рижский ОМОН, вильнюсский, Чеслав Млынник... Не угадали?

– Я очень тафно там не был, – покачал головой Юозас, – семья на Украине. – и перевёл разговор на другую тему. – Когда фы ушли, я фернулся в Том, и уше когта начали стрелять, и все поняли, что это порашение, а фыхота уше не пыло. И мы стали уфотить лютей пот землём. Сколько смогли. Уталось мне фыфести шестьдесят три челофека. Польше не уталось. – Он был явно расстроен этим числом.

– Это же очень много! – отреагировала на его рассказ Юля. – Мы с Андреем вообще думали, что ты... что ты мог погибнуть.

– Фитимо, ещё не фремя, – произнёс Юозас с полным безразличием, которое собеседники могли объяснить только страшной усталостью.

Не мог же он сказать девушке, что она приютила преступника, убившего, наверное, больше людей, чем Ельцин четвёртого октября, и что живёт он чужую жизнь на Земле...

– Ладно, – Ольга Алексеевна встала из-за стола и взглянула на часы – стрелки двигались к полуночи, – болтаем мы тут, болтаем, а тебе отдохнуть бы надо по-человечески. Спать ляжешь у соседки, там попросторнее. Ты не бойся, она свой человек, тоже была у Дома Советов, – торопливо добавила она, заметив беспокойство в глазах гостя.

Через несколько минут Ольга и Юозас переместились на кухню Матрёны Петровны, которая видела его третьего числа в колонне, и всё же Зайцева пояснила:

– Это тот самый Юра, который спас шестьдесят человек из Дома Советов...

– Плэхо, – грустно покачал головой Юозас. – Мало.

И потом уже, когда никто не мог его слышать, уронил совсем уж непонятную для посторонних фразу:

– Потому что отин к тесяти...

Матрёна постелила ему на своём диване, и он мгновенно заснул, едва коснувшись подушки колючей щекой.

...На следующее утро первой проснулась маленькая Надя и тут же криком подняла с постели мать и спавшую в её комнате Матрёну Петровну.

Юля пришла к соседям около девяти утра вместе с Андреем. Они уже не спали. Не спал и Юозас. Он стоял возле книжного шкафа и пристально разглядывал корешки подшивки журнала «Нефтяное хозяйство» за начало восьмидесятых годов.

– Интересуешься? – спросила она. – это Фёдора Петровича журналы, он инженер по трубопроводам, если разбираешься...

– Нет, нет, – быстро ответил Юозас, – я так... У меня фообще опразофания нет. Так получилось...

– Ладно, идёмте завтракать, что ли...

Аня шумно собиралась на улицу, тепло одевала дочку, завязывала ей шапочку, усаживала в коляску и всем своим видом пыталась показать, что происходящее в квартире её не касается.

Лифт быстро доставил её на первый этаж, и она распахнула дверь навстречу ветру.

На скамейке под козырьком подъезда судачили старухи.

– Нагуляла, – неслось ей в спину. – гуляющая, что взять... И новый хахаль ходит...

Новый ухажёр...

Сергей...

Аня вздрогнула.

Сергей, появлявшийся прежде каждый вечер, не приходил уже три дня...

Она остановилась и обернулась назад, к подъезду.

Да что же это, в самом деле?

Подхватив на руки Надю и едва толкая коляску, Аня бежала обратно.

Остановившись перед дверью соседской квартиры, она жадно хватала ртом воздух, звоня к Зайцевым – и одновременно к себе.

Шорох за дверями отдавал тревогой – дни были непростые, и мало ли что мог означать звонок в дверь поздним утром шестого октября...

– Что такое? – Юлия с Андреем выросли вдвоём перед нею, заслоняя проход в глубину.

– Где Серёжа? – спросила Аня, не узнавая своего голоса. – и это... фамилия его как?

– Какой Серёжа? – не сразу понял Андрей. – А, твой, что ли, Лосев? Так не знаю, после третьего октября не видели его...

Но Ане этого было достаточно.

Ещё несколько дней назад у неё была единственная любовь – Максим.

И вот она померкла... Но Аня всё равно не думала, что её настолько зацепит трёхдневное отсутствие бывшего ухажёра, что она будет отчаянно выяснять его фамилию...

Лосев, значит... Сергей...

Вооружившись телефонным справочником, Анна выясняла наличие Лосева Сергея в больницах Москвы.

Гражданин Лосев С.И. лежал в институте Склифосовского с огнестрельным ранением ноги, полученным в районе Останкино.

В неумело наброшенном на плечи халате девушка вошла в палату – и остановилась.

Увидев её, Сергей приподнялся на локтях и попытался неловко сесть, но мешала зафиксированная нога.

– Не надо, не надо, лежи, – быстро сказала Аня.

– Я не думал, что ты придёшь, – ответил он.

– Вот... пришла... – проговорила Аня, присаживаясь на край железной кровати, и замолкла. Сергей тоже молчал, не зная, что сказать. Потом спросил, понижая голос и косясь на соседей по палате:

– Наши все живы?

Аня прикусила губу.

– Артёмкиного приятеля убили, – сказала она шёпотом, – а остальные все... вернулись. Артёма милиция матери вернула.

Сергей поморщился, словно от боли.

– Мальчишек-то какого чёрта туда понесло, Ань? Эх... – он снова попытался придвинуться к девушке.

– Мальчишки ж... – эхом ответила она.

* * *

Свадебные торжества, назначенные на девятое октября, были отменены. Обстановка не располагала. Ни у кого не было настроения ни гулять, ни веселиться. Юля и Андрей шли в ЗАГС в повседневной одежде, в сопровождении только близких родственников да пары-тройки друзей из разгромленной оппозиции, шли, словно исполняя тяжёлую, но необходимую обязанность.

У соседнего дома, рядом со школой, ещё лежали несколько сломанных цветков – седьмого числа там хоронили ребёнка.

Было уже довольно холодно, облачно, и злой ветер срывал с деревьев листья и бился в ткань курток.

Расписались по-скромному, почти формально, выслушав дежурные поздравления от сотрудницы ЗАГСа.

Дома накрывала на стол Матрёна Петровна, а помогал ей Юозас, который все эти дни не покидал пределов двух квартир на лестничной площадке – никто из чужих не должен был знать о появлении постороннего человека.

Свадьба свадьбой, а чрезвычайное положение и комендантский час никто ещё не отменял.

Возле подъезда в сторонке стояли дети – обычно для них разбрасывали мелочь и конфеты, но подойти они не решались и шептались поодаль.

Шептались о том, что во время «путча» убили рыжего Мишку из углового дома, и ребята постарше знали – шила в мешке не утаишь – что классная руководительница хотела поставить на первом этаже школы фотографию в чёрной рамке, но директор строго запретил, велел завести новый классный журнал посреди первой четверти и пересадить учеников за другие парты.

Как будто и не жил такой человек на свете целых одиннадцать лет.

К ребятам подошёл Николай Зайцев.

– Держите, – он протянул им несколько зелёных тысячных купюр. Те сперва засмутились, но, как только первые ладошки потянулись за бумажками, осмелели и остальные. – И дуйте отсюда. Купите себе сникерсов и жвачек. И чтобы здесь я сегодня никого не видел, ясно?

Старший мальчик кивнул. Вслед за ним остальные развернулись и потихоньку пошли прочь, в сторону палаток.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.